

Юрий Усычетко

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ

Шпионы. Дело №...

Юрий Усыченко
Невидимый фронт

«ВЕЧЕ»

1951, 1956

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2)

Усыченко Ю. И.

Невидимый фронт / Ю. И. Усыченко — «ВЕЧЕ», 1951,
1956 — (Шпионы. Дело №...)

ISBN 978-5-4484-5263-5

Писатель Юрий Усыченко (1919–1980) относится к одним из зачинателей советской шпионской литературы ее золотого века. Его дебютная повесть «Невидимый фронт» (1951) рассказывает о борьбе с националистическим бандподпольем сразу после освобождения Западной Украины. Полковник Всеволодов и капитан Дрига вступают в схватку с профессиональным диверсантом и убийцей Курепой. В центре повести «Когда город спит» (1956) – схватка советских морских контрразведчиков с иностранными агентами, пытающимися выкрасть секрет нового противоминного трала. Морская романтика органично сочетается с динамичным и острым сюжетом.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5263-5

© Усыченко Ю. И., 1951, 1956

© ВЕЧЕ, 1951, 1956

Содержание

«Наивных людей в разведке нет. Не надейтесь...»	6
Невидимый фронт	10
Глава первая	10
Глава вторая	21
Глава третья	27
Глава четвертая	31
Глава пятая	35
Глава шестая	43
Глава седьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Усыченко Невидимый фронт

Серия «Шпионы. Дело №...»

Текст печатается по изданиям:

Усыченко Ю. Невидимый фронт. М.: Воениздат, 1951;

Усыченко Ю. Когда город спит. М.: Молодая гвардия, 1956

© Усыченко Ю.И., наследники, 2025

© Хлебников М.В., составление, предисловие, 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

«Наивных людей в разведке нет. Не надейтесь...»

Наша серия, рассказывая об истории советского шпионского романа, сознательно отказывается от хронологического принципа ее построения. Нам кажется, что определенная детективная интрига как раз состоит в мозаичном, нелинейном заполнении «белых мест» в истории жанра. Сегодня пришло время вспомнить о судьбе и книгах писателя, стоявшего у истоков золотого века отечественного шпионского романа.

Юрий Иванович Усыченко родился 15 мая 1919 года во Владивостоке. Место рождения определило главную страсть – море. Окончив семь классов, Юрий устремляется на флот. Тяжелая и опасная служба в торговом флоте не развеяла морскую романтику, а только укрепила эту страсть. Из поздней прозы Усыченко:

«Почти месяц шхуна “Красный якут”, на которой я был матросом, ходила вдоль малообжитого в те времена дальневосточного побережья, навеваясь в укромные бухточки и на рейды рыбных заводов, перевоза нехитрый груз и по десятку-другому пассажиров. Попыхивая синим дизельным дымком или ловя ветер шершавыми, латка на латке, парусами, наш “Якут” неторопливо “чапал” вдоль опушенных дремучими лесами склонов, в тени скал, которыми обрывается на востоке необъятная матушка Россия. Скалы были высокие – выглаженный ветрами и морем розовый мрамор, суровые лбы гранита. В рассветном тумане – сизом, прошитом, как шпагами, лучами солнца, вставали отколовшиеся от материка островки: Три Брата, Сестрички, Монах, Поворотный. Издалека мы слышали оголтелый писк и самодовольный гогот их птичьих базаров».

В армию молодого моряка призвали 2 ноября 1939 года. Место призыва – Ленинград. Впереди было участие в советско-финской войне и главное испытание, которое будущий писатель разделил со всей страной и народом.

Из автобиографической заметки Усыченко «Непреходящая ценность»:

«Войну я встретил литературным сотрудником газеты “Сталинские питомцы” 39-й истребительной авиационной дивизии Ленинградского военного округа.

Правда, был я здесь не штатным, прикомандированным, меня взяли из полка, как проявившего склонности к журналистской работе – несколько раз мои материалы печатались в окружной газете “На страже Родины”».

Зимой 1941 года дивизия влилась в 14-ю воздушную армию Волховского фронта. В армейской газете «Бей врага!» Юрий продолжил свою работу, но уже в качестве штатного редакционного сотрудника. Его фронтовая судьба оказалась крепко связанной с борьбой за Ленинград. Это можно проследить даже по наградным документам журналиста. Вот из представления на медаль «За боевые заслуги», полученную осенью 1943 года:

«Работая в редакции со дня основания газеты, младший лейтенант Усыченко проявил себя как смелый и инициативный журналист. В период прорыва блокады города Ленинграда, а также в июне – июле 1943 г., в период активных боевых действий нашей авиации, Усыченко все время находился на боевых аэродромах, выезжал на станцию наведения. Своими правдивыми корреспонденциями и статьями тов. Усыченко способствовал успешному выполнению заданий командования».

В 1943 году молодой журналист вступает в партию. После прорыва блокады в 1944 году Красная армия устремилась в наступление. Лейтенант Усыченко представлен к ордену Красной Звезды:

«Тов. Усыченко Юрий Иванович за период боевых операций все время находился на передовых аэродромах. Своими статьями и корреспонденциями помогал командованию мобилизовать личный состав частей на выполнение боевых задач. С 16 по 26 июля 1944 года (период

военных действий) им организовано и отделано 54 корреспонденции. Все они были опубликованы в газете и во многом способствовали наступательному порыву воздушных бойцов».

Из армии Усыченко демобилизовался только осенью 1946 года. Но его журналистская жизнь продолжается. Он переезжает в Одессу. Выбор объясняется просто – зов моря, которого не смогли заглушить суровые испытания войной. Юрий осваивает непростую науку управления парусным судном. Со временем у него складывается репутация профессионального яхтсмена. Одновременно Усыченко начинают активно публиковать в украинской прессе. В 1950 году во львовском издательстве «Вільна Україна» выходит его первая книга – сборник рассказов «Снежный рейс». Через два года Усыченко в соавторстве выпускает книгу документальных очерков «Люди сахарных заводов», посвященную труженикам пищевой промышленности. Эту небольшую книгу я упоминаю не просто так. Соавтором молодого писателя стал Николай Далекый – писатель, прекрасно знакомый читателям нашей серии. Не без основания можно предположить, что книги о приключениях Сергея Рубцова появились на свет после успеха шпионских сочинений его молодого соавтора. В 1951 году выходит повесть Усыченко «Невидимый фронт». Тут же следует оговориться, что повесть в том году вышла дважды. Одновременно она была напечатана и во Львове, и в прекрасно знакомой нам серии «Библиотечка военных приключений». Объяснение тому простое и понятное: новой серии нужны были книги, жанрово незнакомые советской литературе. Если учесть, что первые выпуски «Библиотечки...» в основном представляли собой сборники рассказов на военно-патриотическую тему, то дебютную повесть Усыченко безо всяких натяжек следует отнести к первым образцам отечественной шпионской литературы.

Повесть начинается весьма динамично. Самолет с немецкими диверсантами попадает под огонь зениток:

«Распахнулась дверь рубки пилота. На пороге появился штурман.

– Самолет горит! – что было силы крикнул он. – Спасайтесь!

Вместо ответа длиннорукий выхватил пистолет и выстрелил в штурмана. Тот медленно упал лицом на жесткий пол кабины. Самолет накренился, и тело убитого откатилось в сторону, к сиденьям.

Почти не меняя позы, только повернув пистолет вправо, длиннорукий продолжал вести огонь – по эсэсовцу. Эсэсовец охнул, угловатое длинное лицо его с грубыми, точно прорубленными топором морщинами приобрело недоуменное выражение. Бледно-мутные неподвижные глаза закрылись».

На земле «длиннорукий» попадет в плен к американским союзникам и представляется майором Генрихом Штаффом. На допросе выяснилось, что Генрих Штафф не кто иной, как выходец из Западной Украины по фамилии Курепа, прошедший через руки множества разведок и секретных служб. Курепа понимает, что у него теперь новый хозяин, который, кстати, неплохо представляет себе геополитические расклады в Восточной Европе:

«– Вы умный человек и понимаете, что война с Гитлером – ошибка. Но раз ошибка сделана, ее надо исправлять, пока не поздно. Западная Украина много лет была пистолетом, направленным в грудь Киеву и Москве. С Западной Украины начинал свой путь со Лжедмитрием гетман Жолкевский. Оттуда наступали армии Гинденбурга и Пилсудского. Оттуда посылал в Советскую Россию своих агентов небезызвестный вам митрополит Шептицкий...»

С новыми документами на имя сотрудника международной организации Курепу переправляют в Советский Союз. Начинается новая секретная операция, которая разворачивается в старинном городе Кленове. Понятно, что под прозрачным названием скрывается Львов – излюбленное и исторически оправданное место действия в советских шпионских романах. Один из тех, кто противостоит Курепе и его подельникам, – советский офицер, капитан Ростислав Дрига. После ранения его приглашают на работу в контрразведку. Понятно, что боевой офицер сомневается, насколько он будет нужен с нулевыми профессиональными навыками на

новом месте службы. Наставник молодого контрразведчика – полковник Всеволодов видит в капитане задатки хорошего солдата невидимого фронта.

Удачный дебют в шпионском жанре требовал продолжения. В 1956 году в Москве выходит новая повесть Усыченко «Когда город спит». В ней автору удалось соединить жанровую специфику книг о шпионах с его любимой морской темой. Книга рассказывает об охоте иностранной разведки за секретами новейшего советского противоминного трала. В город Энск, за которым сразу угадывается Одесса, прибыл иностранный корреспондент Ральф Моро:

«Друзей Моро не имел никогда, а немногие приятели называли его “Рекламный Ральф”. Высокий, стройный, с густой шевелюрой каштановых волос, в которых приятно пробивалась седина, с узкими безмятежно веселыми глазами, улыбкой, обнажавшей ровные белые зубы, Моро в самом деле напоминал стандартного джентльмена рекламных плакатов.

Фамилия и прозвище Ральфа Моро были известны более или менее широко. А имя – агент “Д-35” – в Энске знал лишь один человек...»

Врагу противостоят морской контрразведчик капитан первого ранга Егор Марченко и его молодой помощник лейтенант Иван Бурлак. Марченко – человек с богатой биографией, к которой он сам относится не без иронии:

«Работал Марченко и на Черном море, и на Каспии, и в Ленинграде. На груди его краснел глубокий шрам – след от удара бандитским ножом; на предплечье и бедре оставили неизгладимую память пули маузера; спину в том месте, где когда-то была глубокая рана, нанесенная осколком гранаты, перечеркивал тонкий рубец. Эту гранату бросил в контрразведчиков начальник группы гитлеровских шпионов, арестом которых руководил Марченко. “Мне всегда везло, – шутил Георгий Николаевич, если речь заходила об опасностях. – Убивали шесть раз, но до смерти – ни разу”».

Понятно, что молодой коллега горяч и склонен к быстрым, а потому зачастую ошибочным выводам и решениям. Марченко мягко, но последовательно «воспитывает» лейтенанта, ограняя его характер. На стороне же агента «Д-35» выступают не товарищи или соратники, а подельники и подручные: предатели, себялюбцы. Одного из них Моро находит в комиссионном магазине:

«Это был юноша лет двадцати, очевидно из числа тех, кого в этой стране окрестили кличкой “стиляга”. Непременной принадлежностью стиляги в Энске были сильно набриолиненные и гладко зализанные назад волосы (у этого юноши – черные, чуть вьющиеся), тонкие усики, полубакенбарды, яркий костюм, ботинки на каучуковой подошве. Это было модно, и юноша, пришедший в комиссионный магазин, соблюдал моду тщательно.

Полное лицо его с досиня выбритыми и напудренными щеками выражало недоумение, капризную досаду».

Досада Сэма (Семена) Розанова связана с тем, что он не может купить себе престижный аксессуар. Диверсант сулит молодому человеку галстук богатой расцветки, и ценитель западного и модного мира без какого-то сопротивления становится приспешником агента. Именно через него Моро пытается выйти на семью изобретателя трала Василия Борисова.

Выход повести совпал с окончательным выбором жизненного пути. В 1957 году Усыченко оканчивает Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР и превращается в профессионального писателя.

Спустя годы писатель вернется к своей первой повести, использовав отдельные ходы и героев «Невидимого фронта» для романа «Улица без рассвета». Первый его вариант вышел на украинском языке еще в 1958 году. В следующем варианте 1967 года сюжет стал значительно шире, в книге появилась отдельная тема сектантства и борьбы с ним. Это проблема волновала Усыченко начиная с 1960-х годов. Именно тогда проникновение различных сект в жизнь советского общества превратилось в орудие мягкой силы, подрывавшее внутреннее единство страны. Об этом писатель отдельно рассказал в повести «Черный крест», изданной в

1963 году. Содержательно «Улица без рассвета» также связана с этой книгой Усыченко. Ему как автору оказалась присуща черта, как сегодня бы сказали, постмодернистской эстетики – постоянно возвращаться к уже написанным вещам, переделывать их, давать новые названия. К сожалению, «модернизации» подверглись не только художественные аспекты. В литературу активно вмешивалась и политика.

Говоря о книгах и авторах нашей серии, мы неоднократно касались сюжета, связанного с откровенной реабилитацией украинских националистов после прихода к власти Хрущева. Следы этого необъяснимого с первого взгляда милосердия мы находим и в творчестве Усыченко. Вот рассказ писателя «Прозрение» – отрывок из романа «Улица без рассвета», напечатанный в популярном альманахе «Приключения» за 1972–1973 годы. Рассказ описывает «закатные» годы националистического подполья на Западной Украине. Главный герой – Ростислав Демьянко внедряется в одну из банд. Но напряженная борьба с врагом сглаживается для читателя сноской на последних страницах «Прозрения»:

«ЦК КПУ и правительство Украины трижды обращались к националистическому подполью, гарантируя, что добровольно явившиеся участники этих антисоветских организаций не будут привлечены к ответственности за прошлые преступления. Сейчас эти люди давным-давно искупили честным трудом вину перед народом, живут мирно и счастливо».

Время убедительно показало, что никто ничего не искупил, а свое «счастье» бывшие участники «националистического подполья» и их потомки предпочитали строить на несчастье и горе других. Понятно, что трудно указать на авторство подобной сноски – был ли это сам автор или постарался бдительный редактор. В любом случае подобные примирительные, а по сути, капитулянтские настроения могли привести лишь к одному – чувству безнаказанности, исторического форта. Сегодняшние во всех смыслах потомки украинских нацистов также рассчитывают на везение, возможность избежать наказания за совершенные преступления.

Но не будем торопиться осуждать Усыченко. Известно, что среди писателей Одессы того времени он занимал отчетливую патриотическую позицию. Либерально настроенные литераторы, многие из которых потом покинули страну, с особой неприязнью вспоминали Юрия Усыченко, Владимира Ляскового, Юрия Трусова. Последнему из них принадлежит знаменитая трилогия «Хаджибей», рассказывающая об истории Новороссии и русского города Одессы. На страницах книг мы видим Екатерину Великую, Суворова, Пушкина – имена, которые сегодня в прямом смысле вымарываются из истории города и края. И в том, что одесситы не сдаются, продолжают отстаивать историческую память и правду, есть заслуга Юрия Усыченко и его друзей по писательскому цеху.

Завершить рассказ о судьбе писателя Усыченко и его книгах мне бы хотелось цитатой из финальной сцены повести «Когда город спит»:

«На мостике зазвенел машинный телеграф. В ответ под палубой энергичнее зарокотал винт. Корабль набирал скорость.

“Русь” вышла в море».

М.В. Хлебников, канд. философских наук

Невидимый фронт

Глава первая Путь предателя

Альтиметр показывал три тысячи метров, а самолет продолжал набирать высоту. Глухо, равномерно урчал мотор. Под машиной скорее угадывались, чем виднелись в ночной темноте бесформенные очертания редких клубящихся облаков. В кабине становилось холоднее и холоднее.

Один из пассажиров, среднего роста, худой, с глубокими, как бы вырубленными топором морщинами на длинном угловатом лице и бледно-мутными неподвижными глазами, сказал, зябко пряча руки глубже в карманы форменной эсэсовской шинели:

– Сейчас – самый опасный участок пути. Двадцать минут мы должны лететь над территорией, занятой американцами.

– Я не боюсь опасности, – ответил тот, к кому обращался эсэсовец. – Но в общем эта поездка – глупейшее предприятие. Меня отрывают от важных дел в Кленове и посылают за несколько тысяч километров для того, чтобы выбрать из пленных офицеров генерала Андерса каких-то субъектов, которые все равно не смогут сделать для нас ничего путного.

Эсэсовец состроил неопределенную гримасу, не желая дальше продолжать разговор на такую тему, и после некоторого молчания сказал:

– Смотрите. Это линия фронта.

Облака разошлись, под самолетом виднелась земля. Темнота не позволяла рассмотреть, что там внизу – поле, лес, обезлюдивший город, разоренный войной. Только изредка то тут, то там вспыхивали огненные точки – орудийные и минометные выстрелы.

С земли вырос луч прожектора – бледно-прозрачный, упругий, как струя воды, направленная гигантским шлангом. Сделав несколько взмахов по горизонту, луч начал медленно, осторожно подкрадываться к самолету. Вслед за первым прожектором зажглись еще три. Их лучи соединялись, перекрещивались, расходились в стороны, потом опять сливались в одну серебристую широкую полосу, концом своим упирающуюся в далекие мигающие звезды.

– Черт! – сказал эсэсовец, вынимая руки из карманов, – ему внезапно стало жарко. – Куда делись эти проклятые облака? Небо чисто, и нет ничего легче, чем нащупать нас.

Как бы в ответ на его слова один из лучей уперся прямо в фюзеляж самолета. Машину резко качнуло – легчик сделал маневр, пытаясь уйти от прожектора. И тотчас же почти под самой плоскостью медленно проплыли огненные разноцветные шарики – трасса снарядов скорострельного орудия.

На секунду серебристый луч остался где-то сзади, но самолет был уже пойман вторым лучом, третьим. Тщетно легчик крутыми поворотами, потерей высоты пытался выйти из ослепляющего перекрестия – прожектористы ухватили его прочно. А вслед за ними вошли в дело зенитчики. К самолету со всех сторон потянулись трассы: оранжево-алые – крупнокалиберных пушек; тонкие, пунктирные, похожие на фейерверк – скорострельных; почти непрерывные, клонящиеся к земле струи – пулеметного огня.

В самолете раздался дребезжащий треск. Сзади, недалеко от того места, где сидели пассажиры, появилось узкое, продолговатое отверстие с рваными краями. Острый, изогнутый, как серп, осколок застрял в шпангоуте. По кабине засвистел сырой пронизывающий ночной ветер.

Эсэсовец испуганно вскочил.

– Все пропало! – закричал он. – Нас собьют!

Его спутник побледнел, поднялся со своего места. Это был невысокий, коренастый, длиннорукий человек. Неуверенными, судорожными движениями он старался поправить съехавший на бок парашют, потом, вспомнив что-то, спросил эсэсовца:

– Пилот и штурман знают, кто я такой?

– Да. Я сказал, что едет важный офицер гестапо.

– Зачем вы это сделали?

– Чтобы они особенно внимательно и осторожно везли нас.

– Глупости! Теперь нужно уничтожить и того и другого. В плену они меня выдадут.

Двое разговаривали быстро, стараясь перекричать друг друга в бешеном вое мотора, качаясь из стороны в сторону при неожиданных маневрах самолета.

– Уничтожить их нельзя, – ответил эсэсовец. – Неуправляемый самолет начнет падать, и мы не успеем выпрыгнуть. А может, летчику удастся произвести посадку. Это безопаснее всего...

Распахнулась дверь рубки пилота. На пороге появился штурман.

– Самолет горит! – что было силы крикнул он. – Спасайтесь!

Вместо ответа длиннорукий выхватил пистолет и выстрелил в штурмана. Тот медленно упал лицом на жесткий пол кабины. Самолет накренился, и тело убитого откатилось в сторону, к сиденьям.

Почти не меняя позы, только повернув пистолет вправо, длиннорукий продолжал вести огонь – по эсэсовцу. Эсэсовец охнул, угловатое длинное лицо его с грубыми, точно прорубленными топором морщинами приобрело недоуменное выражение. Бледно-мутные неподвижные глаза закрылись.

– Так будет вернее, – пробормотал длиннорукий. – Жаль, что нет времени расправиться с летчиком.

Еще раз поправив парашют, длиннорукий рванул дверь пассажирской кабины и прыгнул в холодную, сырую ветреную темноту...

Рядовой третьего взвода роты «Койот» Боб Деррей первый подбежал к парашютисту, спустившемуся с подбитого немецкого самолета.

– Сдавайся! – крикнул Боб, как только парашютист очутился на земле. – Ты окружен!

Последнее Деррей прибавил для того, чтобы испугать немца и подбодрить самого себя. Окружать парашютиста было некому, если не считать самого Деррея. Но немец и не думал сопротивляться.

– Я майор германской армии Генрих Штафф, – на ломаном английском языке ответил он. – Я сдаюсь. Не стреляйте.

– Брось оружие! – приказал Боб и осторожно, не спуская пленного с прицела автомата, начал подходить к майору.

Штафф стоял, высоко подняв руки, стараясь всей позой и выражением лица, насколько это было возможно в темноте, показать свое миролюбие и беззащитность.

Подняв валявшийся тут же майорский парабеллум, Деррей повел добычу в штаб.

Но почти у самого края деревни, где расположилась рота «Койот», случилось неожиданное приключение, о котором Боб не раз вспоминал впоследствии.

Деррей медленно шагал вслед за майором, продолжая держать его под дулом автомата, когда сзади раздался хорошо знакомый голос. Боба окликнул Том Баунти – приятель из того же третьего взвода.

– Подожди, Боб, – просил Баунти. – Я тоже веду ночную птичку. Это немецкий летчик. Его поймали зенитчики, а капрал поручил отвести в штаб мне.

Боб и майор замедлили шаги. Баунти с пленным догнали их. Увидев майора, летчик начал яростно и быстро говорить, показывая на него.

– Что он хочет, Томми? – спросил Деррей.

– Он говорит, что этот майор – большая свинья, – ответил Баунти, который немного понимал по-немецки. – Когда они спускались на парашютах, майор стрелял по нему из пистолета. А еще раньше, в самолете, говорит летчик, майор, наверно, убил другого офицера и штурмана, потому что в машине их было четверо, а выпрыгнуло только двое.

– Вот скотина, – с сердцем пробормотал Боб и толкнул майора прикладом автомата в спину.

То ли немецкий летчик счел этот толчок за проявление сочувствия к своим словам, то ли не мог больше сдерживать негодования, но он как-то странно всхлипнул, кинулся вперед и начал что было силы молотить майора кулаками.

– Это еще что такое?! – воскликнул Том и хотел отбросить летчика в сторону, но Деррей, взяв товарища за локоть, удержал его.

– Слушай, Том, – сказал Деррей. – Зачем тебе лезть в чужую драку? Какая беда в том, что два нациста немного поколотят друг друга? А до убийства мы не допустим.

– Твое рассуждение не лишено смысла, – успокаиваясь, ответил Баунти. – Держу пари, что завтра, поглядев в зеркало, этот майор увидит нечто, очень напоминающее хороший сырой бифштекс.

Не опуская автоматов, солдаты наблюдали, как летчик и майор катались по асфальту шоссе, щедро награждая друг друга оплеухами.

– Пожалуй, ты не совсем прав, Том, – глубокомысленно изрек Деррей. – Летчику тоже достается изрядно. Майор старше, но тяжелее, и у него длинные руки – как у гориллы. Во всяком случае, у обоих – понятия о боксе никакого. Это не схватка джентльменов.

– Никакого, – согласился Баунти.

– Что здесь происходит?

Оба солдата вздрогнули. Они были так увлечены занимательным зрелищем, что не слышали, как подошел офицер – лейтенант Мидльфорд.

Первым опомнился Деррей.

– Мы ведем пленных, спасшихся с немецкого самолета, – отрапортовал он. – В дороге они захотели немного подраться, и... и мы им решили доставить это удовольствие.

Лейтенант осветил карманным фонариком майора и летчика, которых Баунти тем временем успел разнять и поставить на ноги.

– Вы оба идиоты, – сердито сказал лейтенант. – Разве можно допускать, чтобы обер-фельдфебель бил майора!

– Но ведь это нацистский фельдфебель и нацистский майор, – не сдавался Боб.

– Все равно. Так можно черт знает до чего дойти. Вы должны уважать всех офицеров, понимаете – всех.

Деррей хотел возразить еще, но Мидльфорд крикнул:

– Ведите пленных! Довольно болтать.

– ...Вы понимаете, – говорил лейтенант Мидльфорд своим приятелям, рассказывая об этом случае. – Сегодня солдат разрешит нацистскому обер-фельдфебелю бить майора, завтра солдат начнет возражать мне. На пути к либеральным идеям важно сделать только первый шаг. Да и вообще среди нацистов, – мне приходилось по делам нашей фирмы бывать в Германии до войны, – есть очень приличные люди...

– ...Никак не могу сообразить, в чем дело, – сокрушался Боб Деррей, сидя под арестом, куда его отправили по приказанию Мидльфорда. – Ведь нацисты – в каком бы они чине ни были – наши враги. Что же я этому майору кланяться должен?..

...Той же ночью, когда был сбит гитлеровский самолет, офицер, назвавший себя майором вермахта Генрихом Штаффом, был отправлен в контрразведку армейского соединения.

Около недели его никто не беспокоил: комната без окон в тихом доме где-то на окраине города, регулярно сменяющиеся безмолвные часовые, короткие прогулки по маленькому,

асфальтированному, огороженному со всех сторон высоким забором двору. В сердце рождалась надежда. Может, о нем забыли? Может, так и будет до конца войны?

На восьмой день в комнату, вместе с часовым, вошел сержант и знаком приказал заключенному следовать за ним.

Они спустились вниз по широкой, отделанной дубом лестнице, миновали коридор. У двери, на которой была написана цифра 2, сержант остановился, постучал, затем так же знаком показал Штаффу, чтобы тот вошел.

Лысый, обрюзгший человек в штатском сидел за небольшим лакированным письменным столом. Не глядя на арестованного, человек медленно достал из ящика сигару, отрезал перочинным ножиком ее конец, щелкнул зажигалкой, закурил. Только после этого он, глубоко затянувшись, сказал, как бы продолжая начатый разговор:

– Вас погубило неумение владеть пистолетом. Летчик, которого вы не смогли подстрелить, сообщил, что вы работали в гестапо. Остальное, хотя и не без трудностей, удалось устанавить. Вот, почитайте. Это облегчит нам дальнейшую беседу.

Небрежным жестом он бросил на стол переплетенную в желтую кожу папку.

Генрих Штафф взял папку. Человек в штатском внимательно следил за ним. Когда была раскрыта только первая страница, нацист вздрогнул всем телом. Глаза его стали пустыми, отсутствующими. Очевидно, он старался быстро взять себя в руки, найти путь к спасению.

С первой страницы папки на Генриха Штаффа глядела его же собственная фотография, снятая тридцать лет назад, а под ней фотокопия расписки, в которой студент кленовского университета Курепа обязывался быть тайным осведомителем контрразведывательной службы Австро-Венгерской империи.

Воспоминания вихрем пролетали в мозгу Штаффа. То, что когда-то тянулось неделями, месяцами, сейчас мелькало в памяти за секунды.

...Осенью 1913 года в Кленовский университет поступил новый студент – Курепа. Отец его был одним из богатых хозяев в селе под Кленовом, имел лавку. Он дал взятку чиновнику австрийского министерства просвещения, ведавшему приемом, поэтому Курепе удалось поступить в университет сравнительно легко, хотя для украинцев существовала строгая процентная норма – больше двух человек на сто студентов их не принимали.

В университете Курепа попытался войти в круг «золотой молодежи». Отпрыску лавочника льстило быть на «ты» с графскими и баронскими сынками, он не жалел отцовских денег на кутежи в «избранном обществе». Родовитые друзья охотно принимали приглашения Курепы, хлопали его по плечу, говорили, что характером он настоящий дворянин. Отец Курепы тоже не возражал против такого времяпрепровождения сына. Он понимал, что высокие знакомства могут когда-нибудь очень и очень пригодиться сыну.

Словом, все шло хорошо до одного случая.

Проходя университетским коридором, Курепа услышал знакомые голоса. Граф Казимир Дзендушевич и Стась Клонский, сын генерала, беседовали за тонкой дощатой перегородкой, отделявшей студенческую курилку от коридора.

– Понимаешь, нет денег, – жаловался Дзендушевич своему товарищу. – А завтра у Ядвиги день рождения. Надо во что бы то ни стало преподнести ей хоть букет.

Голос у графа был тонкий, пронзительный. Посторонний человек мог подумать, что говорит старая женщина.

– Плохо дело, – Клонский в противоположность собеседнику густо басил. – Без подарка нельзя.

– То-то и оно. У отца я все карманные деньги вперед взял, больше старик не даст. Где теперь достать – не знаю. Хоть укради.

– Ба! – хлопнул себя по лбу Клонский. – Зачем красть? Воровать, ваше сиятельство, грешно. Я другой выход нашел.

– Какой?

– Займи у этого мужика, у Курепы. Он даже рад будет – такая честь для него ссудить графу Дзендушевичу без отдачи.

– Верно, – обрадовался Дзендушевич. – Как я сразу не вспомнил!

Красный от злости, с трясущимися руками, отошел от стены сын лавочника. Подслушанный разговор открыл ему глаза на многое. Теперь он понял двусмысленные перемигивания и усмешки, с которыми встречали его приглашения «провести вместе вечерок» студенты из аристократического круга. Вспомнил и то, что ни разу не был ни у кого из них дома, хотя иногда прямо напрашивался на это. Вспомнил и то, каким холодно-презрительным взглядом окатила его сестра Дзендушевича, когда при случайной встрече в театре брат представил ей Курепу.

Мечты сына лавочника пробраться в «высший круг» рухнули.

В жилах Курепы текла кровь многих поколений деревенских хищников – кулаков, торговцев, шинкарей. С давних пор Курепы держали в своих руках все село, с давних пор были известны жестокостью, коварством, настойчивостью в стремлении к наживе. Таким был и Курепа. Однако злоба, душившая его, не затемнила рассудка. Он понял, что надо найти другой путь, чтобы «выбиться в люди».

...И вот, тридцать лет спустя, переплетенная в кожу папка снова восстанавливает те давние события.

Правительство императора Франца-Иосифа строго следило за тем, чтобы в учебные заведения не попадали «неблагонамеренные», и в первую очередь «чернь». Одним из методов осуществления этой политики была строгая процентная норма для украинцев, острием своим направленная против представителей «неимущих классов»: сыновья богатых, такие, например, как Курепа, всегда находили лазейку, чтобы обойти закон. Следовательно, попасть в университет или институт могли только дети состоятельных родителей, доказавших свою преданность монархии Габсбургов. Таков был почти полностью состав Кленовского университета. Лишь очень редко попадались среди студентов дети неимущих родителей. В частности, к ним можно было отнести Леся Кравца – однокурсника Курепы.

Отец Леся – почтовый чиновник, пятьдесят лет верой и правдой прослужил Австро-Венгрии. Безупречный послушной список отца помог сыну стать студентом университета.

Но Лесь не оправдал тех надежд, которые на него возлагались. В университете он скоро приобрел репутацию человека, сочувствующего идее единения Галиции с «Большой Украиной» и Россией.

Если в университете, среди помещичье-кулацких сынков и реакционных профессоров – верных слуг габсбургского режима, – Лесь Кравец был одинок, то у прогрессивной части интеллигенции города его имя начало пользоваться все большей и большей популярностью.

Тяга к Москве, к Киеву никогда не прекращалась в массе коренного населения города – украинцев. На Русской улице, звавшейся так еще со времен седой истории, в частных кружках шло изучение русского языка, литературы, говорились пламенные речи о России. Эти настроения находили искреннюю поддержку и одобрение среди городского пролетариата и крестьянства, изнемогавшего под ярмом «тюрьмы народов» – Австро-Венгрии. Особенно ярко это проявлялось после революции 1905 года в России, когда передовые люди городов и сел Западной Украины поняли, что единение с русским народом – самым революционным народом – поможет освободиться от национального и социального гнета.

Вместе с тем это движение было далеко не однородным. С действительно честными, прогрессивными людьми к нему примыкали, отдавая дань «моде», различные буржуазные либералы, часто – откровенные проходимцы. Какой-нибудь адвокат, потерпевший неудачу при попытке пробраться на должность государственного прокурора, вдруг громогласно заявлял о своей «оппозиции» к австро-венгерскому правительству, о «дружбе» к России и начинал вести дела «только украинцев», рассчитывая тем самым расширить круг клиентуры. Торговец выве-

шивал на своей лавке «лозунг» «Свой к своему» и требовал, чтобы покупатели брали товар только у него и ни в коем случае – упаси боже! – не у его австрийских, польских или еврейских конкурентов. Такие субъекты всячески афишировали свои «прорусские» настроения, помогали «единомышленникам» в карьере. На это последнее обстоятельство и надеялся Курепа, увидев, что аристократические знакомства не помогут ему найти тепленького местечка после окончания университета.

Не откладывая в долгий ящик, Курепа сразу же отправился искать Кравеца. Тот сидел и читал возле окна в одной из пустых аудиторий. Лесь Кравец был юноша лет двадцати трех, высокий, тонкий, несколько болезненный на вид.

– Добрый день, Лесь, – сказал Курепа.

Они учились вместе, но были очень далеки по своим интересам, знакомствам, настроениям. Им почти никогда не приходилось беседовать друг с другом. И приветствие Курепы удивило Кравеца.

– Добрый день, – сухо ответил Лесь.

«Что ему надо?» – подумал Кравец. Лесь никогда не симпатизировал Курепе, считая его бездельником и панским подхалимом.

– Слушай, Лесь, я знаю, ты не любишь меня за то, что я вожу компанию со всеми этими дзендушевичами да клонскими, – говорил Курепа, – а ты хоть раз пробовал поговорить со мной, рассказать, что надо делать, чтобы нам, украинцам, легче жилось?

«Что правда, то правда», – подумал Кравец.

– Тебе некогда такими вопросами интересоваться, ты все с панычами кутишь, – сказал он вслух.

– Может, оттого я и связался с ними, что больше не к кому мне идти, а без товарищей что за жизнь!

«Говорит-то он красно, – думал Кравец, – а все же не доверяю я ему. Свою его один раз в кружок, там скучно ему покажется и отстанет. Отказывать тоже нельзя – начнет болтать, что сборы у нас секретные, пускают на них только по выбору».

– Хорошо, – решил Лесь. – Сегодня мы пойдем к одному знакомому. Там будут читать книги, полученные из России.

Курепа сделался аккуратным посетителем кружков, где читали книги из библиотеки «Русской беседы», слушали лекции о русской культуре и истории. Проникнуть дальше, принять участие в политической деятельности он не мог – ему не доверяли. Курепа это понимал и ждал удобного момента показать свою «преданность» новым идеям.

Но тут началась мировая война.

Австрийское правительство сразу же обвинило в шпионаже и заключило в концентрационный лагерь Талергоф тех, кто хоть чем-нибудь проявлял оппозиционные настроения. Кравец по счастливой для него случайности остался на свободе. В то время его не было в Кленове, он гостил у родственников в селе. А может быть, до Кравеца просто не дошла очередь – количество отправляемых в Талергоф насчитывалось буквально тысячами, и жандармы не могли арестовать одновременно всех недовольных цесарским режимом.

Что касается Курепы, так его только однажды вызвали в полицию и, прочитав отеческое внушение, отпустили.

– Вы еще молоды, – сказал седоусый, с пушистыми бакенбардами начальник полиции, сидевший в большом кабинете под портретом Франца-Иосифа. – Мы щадим ваше будущее. Постарайтесь исправить свои ошибки, иначе...

Начальник поднес к самому носу Курепы свой толстый, пожелтевший от табака указательный палец и внушительно покачал им в воздухе.

Курепа не отрываясь смотрел на палец полицейского. Кисть руки не шевелилась, двигался только перст – указующий и предостерегающий.

Из полиции Курепа вышел с тяжестью на сердце. Судьба разрушала все его попытки выбиться в среду хозяев жизни, не знающих ни забот, ни труда, ни преград своим желаниям, живущих роскошно и блистательно.

Либералы оказались слишком непрочной основой, чтобы на них строить свое благополучие. До тех пор пока разрешала власть, они кипятились, говорили речи, выдвигали проекты. Стоило появиться предостерегающему полицейскому персту, как рухнули планы, замолкли речи. Что ни говори, цесарская власть – единственная надежная опора. Этот полицейский никогда не учился в университете, а все же живет и будет жить лучше, чем он, Курепа. Его окружает почет, уважение, всеобщая боязнь.

Осенью 1914 года русские войска взяли Кленов. На балконах по старому, еще средневековому обычаю были вывешены в честь праздника ковры. Толпа рукоплескала усталым, запыленным воинам. В магазинах появились объявления: «Здесь продаются самые лучшие русские товары прямо из Москвы».

Лесь Кравец с утра до вечера бегал по городу. Он устраивал пикники с русскими офицерами, благотворительные обеды в честь русских солдат, выступал на многочисленных собраниях, был одним из организаторов создания Холма Славы – кладбища, на котором похоронили русских, погибших при взятии Кленова.

В то время Курепа старался не встречаться с Кравцом. От былых «симпатий» к России у Курепы не осталось и следа.

«Черт их знает, этих русских, – рассуждал сам с собой Курепа. – Пришли и уйдут, а за них потом отвечай». И он не торопился публично высказывать свои симпатии к русским, осматривался, выжидал.

События, как ему казалось, подтвердили правильность такой тактики.

Русские войска покинули город. Снова на улицах зазвучала немецкая речь, появились усатые венгерские гонведы с широкими бряцающими палашами, выхоленные гинденбургские офицеры, рассматривающие мир через монокль, вставленный в презрительно прищуренный глаз. Прежняя власть вернулась.

И, глядя на толстых, сытых коней немецкой тяжелой кавалерии, на пушки, которые, задрав к небу широкогорлые стволы, катились с грохотом на восток, слушая рокот «таубе», реявших над крышами Кленова, Курепа решил сделать серьезный ход в жизненной игре.

Контрразведка по книгам представлялась Курепе темным, мрачным зданием со множеством закоулков, извилистых переходов, где снуют неведомые личности, скрывающие лицо под низко опущенными полями шляпы и высоко поднятыми воротниками пальто. На каждом шагу здесь спрашивают пропуск, и попасть в это таинственное место очень трудно.

В действительности все оказалось гораздо проще. Солдат провел Курепу в большую, солидно обставленную комнату и учтиво попросил обождать. Когда он вышел, Курепа бросил вокруг себя шарящий взгляд. Эта комната могла быть приемной врача, адвоката, а то и просто гостиной в зажиточном доме. Кожаные кресла окружали широкий квадратный стол. На столе лежало несколько иллюстрированных журналов. Кожанный диван был совсем по-семейному покрыт белым полотняным чехлом.

Минут через пять Курепу позвали в кабинет.

Тощий хлыщеватый офицер с напояженными, сильно пахнущими одеколоном и гладко зачесанными назад волосами чуть приподнялся из-за стола, отвечая на почтительный поклон Курепы.

– Курите? – спросил офицер. – Прошу вас.

Курепа открыл лакированную коробку с сигарами, не подозревая, что крышка посыпана тонким слоем порошка и теперь на ней остались отпечатки пальцев «гостя». Когда он уйдет, отпечатки будут пересняты и останутся в архиве контрразведки.

– Чем могу быть вам полезен? – сказал офицер.

Курепа глубоко вздохнул, готовясь к длинной речи. Наступил решительный момент.

– Будучи истинным патриотом Австро-Венгрии, – произнес он заранее обдуманное слово, – и верным подданным нашего обожаемого монарха, я решил сообщить вам о русском шпионе.

Курепа ждал, что офицер издаст восклицание удивления, радости, пусть даже недоверия – во всяком случае, как-то выразит свои чувства. Этого не случилось. Ни один мускул не дрогнул на лице собеседника Курепы. Единственное движение, которое сделал офицер, – потер тыльной стороной руки щеку, пробуя, хорошо ли она выбрита.

Курепа не ожидал этого, смутился, замолчал.

– Ну? – наконец спросил офицер, после минутной паузы.

– Что? – не понял Курепа.

– Его фамилия, приметы, адрес.

– Лесь Кравец. Высокий, блондин. Живет на хуторе недалеко от деревни Маринив.

– Кравец? – В глазах офицера промелькнуло неуловимое выражение жестокости и злости.

Очевидно, эта фамилия была ему знакома.

«Ага, – подумал Курепа, – проняло тебя все-таки».

Но взор контрразведчика принял прежнее безразлично скучающее выражение.

– Хорошо, мы проверим, – сказал он. – Откуда вы узнали это?

– От его брата, которого встретил в Кленове.

Офицер встал, показывая, что беседа закончена.

– Ваши патриотические и верноподданнические чувства, – лицо офицера ясно показывало, что он ни на грош не верит ни в патриотизм, ни в верноподданничество своего собеседника, – делают вам честь, господин Курепа. Вы получите соответствующее денежное вознаграждение. Надеюсь, мы еще встретимся.

Эти слова оказались сказанными недаром. Через неделю Курепу вызвали в контрразведку.

На этот раз он вошел в кабинет бодро и немного развязно, как старый знакомый. Но офицер сразу испортил настроение Курепе.

– Нам известно, что вы тоже принимали участие в кружках, где проводилась вредная для нашего правительства агитация, и даже были по этому поводу предупреждены полицией, – сказал он. – Вы, конечно, понимаете, что поступки, на которые мы не обратили внимания тогда, могут быть совсем иначе расценены сейчас...

Офицер сделал небольшую паузу, как бы давая возможность Курепе полностью оценить значение сказанных им слов.

– Вы во многом исправили свою ошибку, указав нам на преступника, – продолжал контрразведчик. – Кстати, он не шпион, говоря между нами, и будет сурово наказан только для устрашения других. Дело не в этом. Вы должны составить список тех, кто бывал вместе с вами и Кравцом на собраниях в тех кружках.

С этого часа Курепа стал штатным агентом австрийской контрразведки, и этот час определил всю его последующую жизнь.

...Об этом рассказывала папка, которую держал на коленях «майор Генрих Штафф», белые страницы ее, казалось, набухли кровью, пролитой в многочисленных преступлениях, столько лет хранившихся в глубокой тайне.

...Курепа оказался одним из таких людей, которые требовались начальнику «особой службы» австро-венгерской армии капитану Максу Ронге. Без малейших колебаний Курепа отправил под расстрел Леся Кравца, на смерть от голода, холода, побоев в Талергофе – всех, кого только смог оклеветать более или менее правдоподобно. Порвав со старыми знакомыми (друзей у него никогда не было), Курепа стал человеком без привязанностей и без родины.

Первое время ему давали мелкие провокаторские поручения, заставляли вести слежку за кем-нибудь из тех, кто интересовал контрразведку. Курепа бродил по кафе и ресторанам, вслушивался в беседы окружающих, часто сам принимал в них участие, чтобы ругнуть «проклятую немчуру», рассказать новый неприличный анекдот об императоре Вильгельме II. Если собеседник шел на удочку и поддерживал Курепу, последний старался войти к нему в доверие, познакомиться с ним поближе, надеясь напасть на след тайной организации и прославиться ее раскрытием. Как на грех, «крупная рыба» не попадалась. Антивоенные настроения распространялись все шире и шире среди самых различных кругов населения, и отыскивать свои жертвы Курепе не доставляло особенного труда. Арестованных по доносам Курепы расстреливали, заключали в тюрьмы, но все это была «мелкая сошка», поимка ее не приносила Курепе желанной популярности среди коллег и славы у начальства.

Тем не менее он был на хорошем счету. Капитан Бинке – непосредственный руководитель Курепы – отмечал его беспощадность, злобность, неразборчивость в средствах. И капитан Бинке порекомендовал Курепу в школу диверсантов в Берлине.

Имя, прошлое, национальность – все исчезало для тех, кто жил в небольшом трехэтажном доме на одной из окраинных берлинских улиц. Даже внешность будущих шпионов старались сделать безликой, серой, ничем не выдающейся. Их учили одеваться в костюмы наиболее распространенного цвета и фасона для той страны и того города, где придется находиться; носить усы, если вокруг много усатых; бриться, если окружающие предпочитают не иметь растительности на лице. «Вы должны выглядеть так, чтобы могли двадцать раз пройти за день мимо одного и того же человека, не обратив на себя его внимания», – говорил своим ученикам один из инструкторов школы шпионажа, Ганс Роттер.

Жили будущие шпионы каждый в отдельной комнате. Разговаривать и вообще общаться между собой им строго воспрещалось. День за днем проходили в изучении радиодела, фотографии, шифров, техники диверсий.

Школу бывший кленовский студент Курепа оставил с паспортом коммерсанта из Монреала Петра Безюка – канадского гражданина украинского происхождения. Из Германии его переправили в нейтральную Швецию, а оттуда в Канаду. Из Канады он уехал в Америку.

В Нью-Йоркском порту Курепа стал клерком одной из торговых фирм. Он следил за отплытием пароходов, за грузами, которые они везут в Европу. Сведения, им собранные, проходили много рук, но в конце концов попадали в германский военно-морской штаб, а оттуда – командирам подводных лодок.

Курепе везло. ФБР – американская контрразведка – догадывалась о его существовании, но, где и как он работает, узнать не могла.

За эти годы у него выработалось профессиональное умение и изворотливость шпиона. Он был хладнокровен, быстро ориентировался в обстановке и от всей души презирал сыщиков. В той незримой войне, которая велась между ним и контрразведкой, он считал себя в более благоприятном положении. Имея деньги, он всегда мог найти в любом городе тайный приют, покровителей, сообщников. Опыт научил его предугадывать действия противников. «Они делают свое дело, а я свое, – говорил о контрразведчиках Курепа, – широкой публики это не касается, и, если нужно, доллары всегда помогут мне скрыться».

Поражение кайзеровской Германии застало Курепу врасплох, но не надолго. В те времена о студенте-недоучке знал уже сам «тайнственный полковник» Вальтер Николаи – руководитель немецкой разведки. Через доверенных людей Николаи дал Курепе приказ: возвратиться в Германию, жить на установленную ему пенсию, ждать дальнейших распоряжений.

Дальнейшие распоряжения не замедлили последовать с приходом к власти Гитлера. О Курепе не забыли. Он побывал на Балканах, в Чехословакии, Франции, Турции. Менялись его имена, профессии, которыми он якобы занимался, страны, в которых он жил. Не менялось одно – всюду, куда попадал Курепа, сын лавочника из-под Кленова, он приносил с собой измену,

преступления, смерть. Путь предателя отмечался кровью. Кровью пассажиров, сброшенных под откос поездов. Кровью рабочих, погибших при взрывах на военных заводах. Кровью летчиков, чьи самолеты внезапно разваливались на высоте в тысячу метров над землей. Кровью прогрессивных политических деятелей, убитых из-за угла.

Когда Германия напала на СССР, Курепа вернулся в город, давно переставший быть для него родным. Здесь он стал одним из крупных секретных работников гестапо. Не многие знали, что он занимается организацией сети мелких и крупных провокаторов для борьбы с партизанами, поддерживает непосредственную связь с украинскими националистами.

...И вот теперь, из-за нелепой гибели самолета, из-за того, что не удалось вовремя прикончить летчика, пришла пора расплаты за все. Сведения, собранные в папке, были точны и неумолимы, как обвинительное заключение. Курепа еще и еще раз перечитывал их, а толстый человек в штатском не отрываясь смотрел на него, спокойно посасывая сигару.

Однако постепенно Курепа начал успокаиваться и более хладнокровно обдумывать свое положение.

Зачем его вызвали? Чего от него хотят? Если бы его собирались судить, то не стали бы разговаривать, а этот неизвестный субъект упомянул о «дальнейшей беседе». Военный суд короток – это Курепа знал на множестве примеров. Нет, здесь что-то другое. Надо только узнать – что? Узнать и не промахнуться.

– Я прочел, – коротко сказал Курепа, возвращая папку.

– Тогда мы начнем говорить. Я могу дать вам послушать радио и просмотреть газеты. Вы убедитесь, что игра ваших хозяев проиграна. С ними не стоит больше связываться. А я вам предложу новый бизнес, гораздо более выгодный, чем тот, который вы имели до сих пор.

– Ну? – Курепа стал догадываться, в чем дело, и наггел.

– В Кленове у вас за последнее время появились широкие связи. Скоро этот город будет взят русскими. Как только его возьмут, вы поедете туда и проверите, кто из ваших старых знакомых остался на месте, выберете людей, на которых можно положиться.

Курепа ухмыльнулся:

– Хотите иметь возможность делать пакости вашим нынешним союзникам?

– Вы умный человек и понимаете, что война с Гитлером – ошибка. Но раз ошибка сделана, ее надо исправлять, пока не поздно. Западная Украина много лет была пистолетом, направленным в грудь Киеву и Москве. С Западной Украины начинал свой путь со Лжедмитрием гетман Жолкевский. Оттуда наступали армии Гинденбурга и Пилсудского. Оттуда посылал в Советскую Россию своих агентов небезызвестный вам митрополит Шептицкий...

– Вы, я вижу, неплохо осведомлены в русской истории, – вставил Курепа.

– Конечно, – кивнул, не прерывая своей речи, лысый, обрюзгший человек. – Кленов всего два года был советским. Там остались люди, которые могут быть нам полезны: есть колеблющиеся, есть прямо недовольные советской властью, есть скомпрометировавшие себя сотрудничеством с фашистами и боящиеся советского суда. Таких, кого не найти дальше к востоку, вы встретите в Кленове. Ваша задача – привлечь их к себе. Вот почему, я говорю откровенно, вы нам нужны. Так согласны?

– Мне надо подумать.

Курепа кривил душой. Долго думать он не собирался. Чем, в конце концов, новые хозяева хуже старых? Платить они будут больше, если этот тип не врет. Они смогут обеспечить будущее Курепе. Не так уж плохо скопить денег и открыть свой бар где-нибудь в Штатах. Сразу соглашаться, однако, не следует. Надо набить себе цену.

– Окончательный ответ я дам послезавтра.

– Не возражаю. Хочу только добавить одно. Вы достаточно опытны в этих делах и понимаете, что мы примем меры, которые обезопасят нас от какой-нибудь вашей выходки там, на советской территории.

Курепа молча кивнул головой.

... Вот какой путь совершил невысокий, приземистый длиннорукий человек, одетый в элегантный коричневый костюм, прежде чем высадиться ранней осенью 1944 года в советском порту с документами представителя ЮНРРА¹.

Пароход прибыл утром. В полдень дверь одного иностранного консульства захлопнулась за этим человеком.

Четырнадцатью часами позже – около двух часов ночи – темная фигура появилась в глубине консульского сада. Вокруг было тихо. Город спал. Только из порта доносился неумолчный грохот лебедек да где-то вдалеке протяжно и печально прогудел паровоз.

Человек перебросил солдатский вещевого мешок через невысокую решетку ограды, осмотрелся еще раз и быстрым движением перелез через ограду, тяжело спрыгнув на тротуар. Улица была все так же пустынна и тиха. Широкими, небыстрыми шагами неизвестный направился к вокзалу. Он не торопился – поезд в Кленов уходил через час.

¹ ЮНРРА – Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (*англ.* United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA). Организация, созданная в 1943 году для оказания помощи населению территорий, освобождаемых от нацистской оккупации.

Глава вторая

Первая встреча

Все было так, как ему говорили. Вот с перекрестка начинается улица Елижбеты. Маленькая, кривая, она пустынна. Темные дома средневековой постройки закрывают ее от солнца. Верхние этажи нависают над нижними, и от этого на улице даже летом всегда царит сырой полумрак. Улица похожа на глубокое, мрачное ущелье. Это впечатление усиливается зелеными пятнами плесени, лежащими на стенах, затхлым запахом, тянущимся из открытых отдушин подвалов.

Днем отсюда не видно солнца, а ночью, наверно, звезд. Хорошо, что хоть фонари есть – такие же старые, как сама улица, покосившиеся.

...Первый от угла фонарь, второй, третий...

Здесь к Дасько должен подойти мужчина в зеленой шляпе и сказать...

– Я прошу извинения, который час?

Дасько даже вздрогнул от неожиданности. Черт возьми, откуда взялся этот субъект?! Должно быть, прятался где-то в подворотне. И вышел оттуда тихо, незаметно, как выползает мокрица...

– На моих часах ровно двадцать одна минута пятого.

– Я еще раз прошу извинить меня, а у вас верные часы?

– Да. Я купил их перед войной. Они отстают не больше чем на тридцать секунд в сутки.

– Значит, я могу поставить свои часы по вашим?

– Да, и не ошибетесь.

Дасько протянул незнакомцу руку.

– Рад встретиться с вами, Денис Кундюк. Вы по-прежнему живете на улице Льва? Как ваша жена и сыновья? Ведь сыновей у вас трое, не так ли? Их зовут Юрко, Кость и Михайло. Жена хорошо перенесла тяжелые военные годы? Ей было трудно, наверно, она же урожденная пани Свидзинская и привыкла к роскоши. Именно из-за нее вы решились в 1935 году на растрагу. Так, кажется, вы объясняли следователю криминальной полиции на допросе?

Это был излюбленный прием Дасько – с первой же минуты ошеломить подчиненного, показать, что о нем известно все, что Дасько держит его в руках. Как правило, этот прием действовал успешно, но на Кундюка не произвел особенного впечатления. Кундюк тряхнул головой, отгоняя непрошенные воспоминания, и сердито ответил:

– Бросьте. Это дешевый эффект. Я знаю, что вы скажете дальше. В тюрьме я стал провокатором, выдал пять коммунистов. Потом работал в «двуйке» – контрразведке Пилсудского – и тоже выдавал коммунистов. Пришли фашисты – стал служить в гестапо. И поэтому теперь я должен выполнять все ваши приказания, иначе вы сообщите обо мне советским властям и меня будут судить как военного преступника.

– Вот именно, – не без удовольствия в голосе, с ехидной ласковостью подтвердил Дасько. – Как видите, эта короткая беседа не прошла без пользы для вас. Со своей стороны могу сказать, что вы очень понятливы и хорошо ориентируетесь в обстановке.

Несколько шагов они прошли молча.

Каблуки тяжелых, окованных железом солдатских ботинок Кундюка глухо стучали об истертые временем каменные плиты тротуара. Звук возникал резкий, отрывистый и сразу угасал, как бы сдавленный плотной сыростью ущелья – улицы.

Дасько, чуть отстав, приглядывался к Кундюку.

«Выполз из подворотни, как мокрица, и похож на мокрицу, – думал Дасько. – Неважный у меня помощник».

У Кундюка были короткие ноги, с которых брюки свисали мешком, длинное, вихляющееся на каждом шагу тело, маленькая, приплюснутая у висков голова с бледным, почти бескровным лицом. На этом бледном лице особенно резко выделялись ярко-красные губы, как две черточки. Они блестели влажным блеском – Кундук чуть ли не ежесекундно облизывал их.

Одет Денис был в серый изрядно потрепанный костюм. Под пиджаком пестрая рубашка с крахмальным воротничком («Воротничок – довольно грязный», – отметил про себя Дасько). На голове – дешевая зеленая шляпа с коричневым шнурком вместо ленты.

– Я должен выполнять все ваши приказания, – после минутной паузы сказал Кундук. – А я даже не знаю, кем вы посланы и кто вы такой. Кажется, я где-то вас видел.

– Таких людей, как я, – напыщенно ответил Дасько, – не видит никто, но они – видят всех. Кундук насмешливо скривил свои красные губы, но ничего не сказал.

– Зовут меня в настоящий момент Роман Дасько. Я учитель, приехавший с Волыни, чтобы отыскать своего брата, которого фашисты заключили в Кленовский лагерь за помощь партизанам. С вами мы разговорились случайно, в парке, я попросился пожить у вас несколько дней. Плачу вам за это тридцать рублей в сутки. Ясно? Все остальное вы узнаете позже.

– Хорошо... – Кундук хотел добавить еще что-то, но его прервал встречный прохожий, неожиданно обратившийся к Дасько.

– Слушай-ко, где здесь пройти на Госпитальную? – прохожий говорил по-русски, делая округлые ударения на звуке «о».

Дасько резко остановился. Правая рука его незаметно опустилась в карман.

Несколько долгих секунд шпион пристально всматривался в незнакомца. Перед ним стоял старик лет шестидесяти, немного сгорбленный, но, видимо, еще сильный и здоровый. Большие черные глаза его смотрели открыто, бесхитростно, стараясь поймать ускользающий, верткий взгляд Дасько.

– Не сумеешь? – старик попытался перейти на украинский язык. – На Госпитальную, Шпитальную, по-вашему сказать, улицу, спрашиваю, как пройти?

– Не знаю, – отрезал Дасько и, повернувшись на каблуках, зашагал прочь.

Старик остался стоять на месте. Вид у него был обескураженный и немного обиженный.

– Напрасно вы с ним так грубо обошлись, – сказал Курдюк, когда они завернули за угол и старик скрылся из вида. – Можно навлечь на себя подозрение. Большинство кленовцев, особенно простолюдины, очень вежливо и доброжелательно относятся к русским.

«О, да он и трус в довершение всего, – окончательно раздражаясь, подумал Дасько. – Неужели мне не могли подобрать более надежного человека?»

– Чье же подозрение я могу на себя навлечь? – процедил сквозь зубы Дасько. – Милиции? И меня оштрафуют за нарушение правил социалистического общежития. Так, кажется, у них это называется?

Кундук не обратил внимания на пренебрежительный тон своего собеседника. Понизив голос и склонившись на ходу к уху Дасько, он сказал:

– Подозрение чекистов.

Дасько улыбнулся снисходительно, даже ласково, и в то же время презрительно дернул плечами.

– Я работал в Англии, и меня не поймала «Интеллидженс сервис». Десятки раз я обводил вокруг пальца ту самую «двуйку», которой вы служили верой и правдой. В Америке я оставлял в дураках лучших агентов Федерального бюро расследований. А вы хотите, чтобы я боялся русских чекистов!

– Вы должны знать, как быстро и умело они ликвидировали вражескую агентуру у себя в тылу.

– Так то были гитлеровцы. Они оказались глупы. И я глуп, что связывался с ними. Теперь я сумею это исправить.

Кундюк вздохнул и ничего не ответил.

Разговаривая, они вышли в центр города. Дасько с любопытством оглядывался вокруг.

Всего лишь два месяца назад советские войска вступили в Кленов. Фронт ушел на запад, но город жил суровой и напряженной боевой жизнью.

Среди прохожих было много военных. С горечью и злобой отмечал Дасько взгляды гордости и уважения, которыми провожали штатские каждого военного. На бульварах не было праздных гуляк, которые в прежние годы заполняли улицы, как только солнце начинало идти к закату. На стенах домов еще розовели не успевшие потемнеть от непогоды оспины выщербленной пулями, осколками снарядов штукатурки. Все говорило о том, что еще совсем недавно была здесь война. Но в то же время не ощущалось той свинцовой тяжести, предчувствия мрачного будущего, что наблюдал Дасько в городах фашистского тыла. Кленов начинал жить напряженной, трудовой, но полной радости и надежд жизнью.

Под опадающими каштанами кричали дети, сбивая с веток большие, покрытые иголкой кожурой плоды. Девушки задорно улыбались офицерам. Из репродукторов лилась лихая мелодия украинской песни.

Дасько помрачнел еще больше. Не в первый раз, – всегда было так, – зрелище чужой радости будило в нем злобу. Если смеялись, ему казалось, что смеются над ним – над его нескладной фигурой с длинными болтающимися руками, тупым шишковатым носом, узкими, всегда настороженными глазами. И тогда Дасько хотелось ударить того, кто смеется, оскорбить его, увидеть, как вместо радости лицо человека исказит обида и боль.

Сейчас, шагая по залитым теплым осенним солнцем улицам, Дасько думал о том, что если удастся дело, которому он решился служить, то в городе все станет по-прежнему. Эта челядь уйдет к себе на окраины, где ей и место, он – Дасько – будет опять разъезжать на удобной черной автомашине, его имя будет наводить на всех ужас, перед ним будут заискивать, как перед хозяином жизни.

Кундюк тоже погрузился в свои мысли – очень невеселые, судя по тому, как он мрачно покачивал головой и еще чаще, чем обычно, облизывал тонкие красные губы.

Так они миновали центр, спускаясь вниз, к Подзамчью.

– В одном вы ошиблись, – с тщательно скрытой насмешкой сказал Кундюк. – Я живу уже не на улице Льва. Вот мой дом, вернее дом, где я живу, – сказал он, вводя Дасько в грязноватый, выкрашенный масляной краской до высоты человеческого роста вестибюль. Серый потолок с едва заметными от толстого слоя пыли следами росписи нависал над головой. Каменная лестница с железными перилами вела на второй этаж. В воздухе стоял тяжелый, затхлый запах.

– Ну и ароматы у вас, – не утерпев, заметил Дасько.

– Мы с женой варим мыло и продаем на базаре, – виновато ответил Кундюк. – Не пойду же я работать на их завод, а как-то существовать надо?!

Дасько пожал плечами. Кундюк уже успел заметить, что это его любимый жест, по мере надобности выражавший все оттенки настроения – от гнева до веселости, если только можно было представить Дасько веселым.

На втором этаже они остановились. Кундюк прислушался, нет ли кого внизу, и медленно постучал три раза. Потом еще дважды – быстро.

Ждать пришлось долго. Терпение Дасько истощалось, когда, наконец, в круглом дверном отверстии – глазке – поднялась заслонка и кто-то внимательно стал осматривать пришедших.

– Это я, Анеля, открой, – сказал Кундюк.

Загрохотал засов, щелкнул дверной замок, за ним другой. Дверь чуть приоткрылась, сдерживаемая цепочкой.

– Ничего, ничего, – снова заговорил Кундюк. – Со мной гость.

Только после этих слов дверь отворилась окончательно. Как ни было темно в вестибюле, здесь, в передней квартиры Кундюка, оказалось еще темнее. В первый момент Дасько не увидел ничего. Только когда глаза немного привыкли, он начал осматриваться.

Маленькая передняя создавала такое впечатление, будто сюда снесли из разных комнат мебель, свалили кое-как и оставили.

У стен, оставляя узкий проход, в который еле-еле мог протиснуться человек, стояло три шкафа. На одном из них лежал вверх ножками ломберный стол под красное дерево, с покорбившейся от сырости лакировкой. На другом шкафу хозяева поместили несколько рыжих чемоданов. Возле двери поблескивали тусклым золотом две большие рамы без картин. Все это было старое, грязное, ветхое. На вещах – чемоданах, шкафах, рамах – лежал толстый слой пыли. Видно было, что этот хлам лежит здесь давно, им никто не пользуется.

Осмотрев переднюю, Дасько перевел взгляд на хозяйку, женщину лет сорока пяти, ставшую казаться «дамой без возраста». Высокая, худая, она держалась прямо и чуть надменно, причем чувствовалось, что в случае надобности эта надменность может смениться самым откровенным подбострастием. Острые черты лица, мелкие зубы, длинный хрящеватый нос придавали Анеле сходство со злым и пронырливым животным. Пестрая повязка скрывала ее грязноватые волосы. Одета жена Кундюка была в серое летнее пальто, перепопсанное тонким засаленным кожаным ремнем.

– Познакомься, Анеля, – сказал Кундюк. – Это господин Дасько с Волыни, мой старый знакомый. Он поживет у нас немного.

Анеля бросила на Дасько недружелюбный взгляд и, не вымолвив ни слова, ушла в боковой коридорчик. За коридорчиком помещалась кухня – Дасько догадался об этом потому, что оттуда пахло газом и слышалось громохание передвигаемых Анелей кастрюль.

– Однако бывшая пани Свидзинская не из любезных, – криво усмехнувшись, сказал Дасько.

– Время сейчас знаете какое, – извиняющимся тоном ответил Кундюк. – Каждого приходится бояться. К тому же она не знает, кто вы.

– А, кстати, как вам сообщили, что я приеду?

– Перед самой эвакуацией города ко мне явился человек и приказал каждое пятнадцатое число в продолжение двух лет быть в двадцать минут пятого на улице Елижбеты. Он мне и дал пароль.

– В продолжение двух лет! Как видите, я не заставил вас ждать так долго. Вы должны ценить мою вежливость и относиться ко мне хорошо.

В последних словах Дасько прозвучала открытая угроза. Хотя Кундюк понял и оценил эту угрозу, он сделал вид, что ничего не заметил и посчитал слова Дасько шуткой. Кундюк даже засмеялся. Смех у него был хриплый, невеселый, короткий.

– Пройдемте в столовую.

Эта комната была довольно светлой и широкой, но казалась тесной из-за большого количества мебели. В центре стоял накрытый кружевной скатертью овальный обеденный стол, на нем лежала большая раковина-пепельница и полинявший бархатный альбом для фотографий. Чуть ли не половину комнаты занимал широкий клеенчатый диван со спинкой. Обивка дивана порвалась, из спинки вылезал волос и куски мочалки. Справа от дверей выстроилось несколько кресел, маленький круглый столик, опять-таки с бархатным альбомом, кушетка, покрытая небольшим ковриком украинской работы, вышитыми гарусом подушками, пыльными пуфиками. Впрочем, пыльными были не только пуфики. Когда уставший Дасько, не ожидая приглашения хозяина, опустился на заскрипевший диван, над ним поднялось целое облако пыли, такое густое, что Дасько чихнул.

Кундюк сел в кресло, вытянув свою длинную спину, положив длинные худые руки на колени, по привычке продолжая часто облизывать тонкие красные губы.

Дасько вынул папиросу и закурил. Синие кольца дыма потянулись вверх, цепляясь за стекляшки большой базарно-пестрой люстры.

– Прежде всего давайте поговорим о том, где вы меня устроите, – сказал Дасько, ловко выпуская плотные кольца дыма. – Должен признаться, что люблю комфорт – это моя слабость, а у вас, кажется, не особенно...

Кундюк мысленно выругался. С каждым часом этот тип становился для него все более ненавистным. Наглец, держится как хозяин. Да, в сущности, он и есть хозяин Кундюка. Пора привыкнуть к такому обращению. Разве лучше вел себя с Кундюком пан Матусьяк-Зборовский из «двуйки»? А гестаповские шпики? Среди своих они были самой последней шушерой, а с Кундюком корчили из себя чуть ли не генералов. Вот и Дасько, явившийся неизвестно откуда, неизвестно, кто такой, хамит в доме Кундюка. И имеет на это право – право сильного. Захочет Дасько, и Кундюку придется встретиться с вдовами тех, кого он послал на расстрел, смотреть в глаза выданных им и изувеченных в гестапо. Нет, что угодно, любое унижение, любая мерзость, только не это! Надо молчать, и пусть Дасько делает, что хочет.

Кундюк глубоко вздохнул, облизал губы и, стараясь изобразить любезную улыбку, сказал:

– Мы вам отведем самую лучшую комнату, где раньше была гостиная.

– Там один выход или два?

– Два, два, – поспешно ответил Кундюк. – Прямо из гостиной можно попасть на кухню, а оттуда парадным ходом на улицу или черным – во двор. К нашему двору примыкает разбитый бомбой дом. Там очень легко скрыться.

– Это хорошо.

Оба замолчали. О чем им было еще говорить?

Из кухни появилась Анеля. С плохо скрытым раздражением она ставила – швыряла – на стол приборы, хлеб, масленку, на дне которой осталось чуть-чуть масла.

– Где же ваши сыновья? – спросил Дасько.

– Я их отправил в деревню к родственникам.

– У вас есть родственники в селе? – оживился Дасько. – Как они живут?

– Плохо. В селе скоро будет колхоз. Тех, кто раньше считались первыми людьми, теперь и слушать не хотят. Зажиточному хозяину стало трудно.

– А ваши родственники из зажиточных? Куркули, как сейчас говорят? – съехидничал Дасько, пожимая плечами.

– Да, – хмуро мотнул головой Кундюк.

Остальная часть обеда прошла в молчании. Кундюк ел мало, облизывал свои тонкие губы, переглядываясь с женой. Она молча катала по столу хлебные шарики. Один Дасько чувствовал себя неплохо. Он любил это ощущение – знать, что люди боятся тебя, зависят от тебя, хотя в душе их и клокочет ненависть.

Поев, Дасько встал, потянулся, не стесняясь присутствием женщины, и потребовал, чтобы Кундюк показал ему комнату.

Уже стемнело, и, прежде чем зажечь свет в гостиной, Кундюк опустил плотные шторы.

– Военное время, светомаскировка, – объяснил он. – А это очень кстати – никто из соседей не заметит вас вечером через окно.

Эта комната не отличалась убранством от других – та же теснота, то же нагромождение аляповатой дрянной мебели. Только диван здесь был без спинки и поновее, чем в столовой.

– Спать будете здесь, – показал Кундюк на диван. – Сейчас Анеля вам постелит.

Первым делом Дасько осмотрел двери – узкие, давно не крашенные. В каждой из них торчал ключ. Можно было запереться и снаружи и изнутри. Выйдя на кухню, Дасько проверил запоры. Они тоже казались надежными. После этого он потушил свет и, осторожно приподняв штору, выглянул в окно.

Двор был маленький, заросший бурьяном. Одинокая яблоня раскинула над бурьяном свои ветви с уже начинающими опадать листьями. По ту сторону двора виднелись бесформенные развалины – кусок отрезанной, как ножом, стены, груда битого кирпича, искривленные пожаром листы кровельного железа. В случае преследования стоило только перебежать двор, чтобы найти себе убежище среди обломков стен или в подвале, безусловно сохранившемся благодаря прочному фундаменту.

Дасько удовлетворенно пожал плечами, опустил штору и снова зажег свет.

– Квартирой я доволен, – сказал он Кундюку, все время молча стоявшему за его спиной. – О делах мы поговорим завтра. Сейчас хочу вам напомнить только об одном, чтобы внести окончательную ясность в наши отношения. Как я уже успел заметить, мое присутствие особенно вас не восхищает. Но знайте: если вы выдадите меня, я выдам вас. Если вы попытаетесь подстроить мне какую-нибудь ловушку или просто убить меня, то есть люди, которые все равно выдадут вас и тем отомстят за меня. Вы в крепких руках, Кундюк, и самое умное, что вы можете сделать, – это беспрекословно выполнять мои приказы. За это вас ждет награда. Ну, поняли? – Последние слова Дасько проговорил особенно четко и отдельно, глядя в упор на Кундюка.

Кундюк хотел отвести взгляд и не мог. Из узких щелок под нависшим лбом на него глядели глаза убийцы.

– Значит, поняли? – повторил Дасько. – Никаких фортелей.

– Вы напрасно говорите мне это, – притворяясь обиженным, сказал Кундюк. – Я всей душой готов бороться за Украину.

– Вот-вот, – засмеялся Дасько. – Правильно. Тем более что об Украине ни вы, ни я никогда не думаем. Но за такие слова платят долларами, а доллар – очень хорошая монета, могу вам сказать по собственному опыту. А теперь – спать. Я устал.

Глава третья

Капитан Дрига оставляет свой полк

За несколько дней до того, как на улице Елижбеты произошла встреча, оказавшая влияние на судьбы многих людей, капитан Ростислав Дрига выписался из госпиталя.

Капитан ждал выписки с нетерпением. В бою под Кленовом осколок снаряда противотанковой пушки надолго приковал Дригу к больничной койке. Полк ушел дальше. Товарищи писали, что скоро конец войне и Дриге надо торопиться выздоравливать, если он вместе с ними хочет попасть в Берлин.

Капитан тяжело переживал вынужденное бездействие. Это было его четвертое ранение за войну, но сейчас, когда приближалась заветная цель – победа, казалось особенно обидным оставаться далеко в тылу, проводить дни в чтении, беседах.

Время текло необычно медленно, неторопливо: от завтрака – к обеду, от обеда – к ужину. В перерывах между этими нехитрыми занятиями Дрига вспоминал товарищей, строил предположения – присвоили или нет полку звание гвардейского (слухи об этом были в штабе дивизии, еще когда подходили к Кленову), гадал, что сейчас делают полковые друзья, с которыми так сжился Ростислав за боевые годы.

Мысли о товарищах настраивали на лирический лад. Дрига даже попытался писать стихи, однако ничего не получилось. Тогда он перешел на прозу – на повесть о своей жизни.

Попросив санитарку Богданну купить в городе хорошую клеенчатую общую тетрадь, Ростислав аккуратно вывел на первом листе заглавие: *«Моя жизнь. Повесть в трех частях. Сочинение капитана Дриги»*. На втором листе он так же аккуратно и красиво написал: *«Я родился в небольшой деревне на берегу Буга. Деревня наша находилась на территории бывшей панской Польши»*.

Дальше этого дело не пошло. Дриге хотелось рассказать очень многое. Отец его всю жизнь батрачил на кулака Стефанишина. Сам Дрига, чуть только подрос, тоже пошел в наймы – пасти кулацкое стадо. Летними вечерами, когда коровы и овцы были загнаны по дворам, Ростислав до звезд сидел на крыльце с букварем, разбирая трудные и непонятные буквы, которые ему показал солдат Дмитро – чуть ли не единственный грамотный человек в селе, если не считать ксендза и «пана посторункового» – полицейского.

Двадцатилетним парнем Ростислав решил бросить родное село и уйти на заработки в Кленов. Заработков он не нашел – в городе хватало своих безработных. Пришлось голодать, перебиваться кое-как до самого тридцать девятого года. Когда Кленов стал советским, Дрига поступил на завод. Днем работал, вечерами учился, был принят в комсомол. Началась война – Ростислав ушел из Кленова солдатом Красной армии.

После окончания неудачных литературных опытов в госпитале стало еще скучнее, и всей душой Дрига рвался на фронт.

– Как дела, капитан? – спросил Дригу главный врач, вызвавший Ростислава, чтобы еще раз осмотреть перед выпиской.

– Прекрасно, товарищ подполковник медицинской службы.

– Да, действительно неплохо, – согласился врач, ощупывая мускулы бедра на месте зажившей раны. – Так не больно? А так? Так? Что ж, через неделю сможете делать двадцатикилометровые марши.

– Значит, снова в свой полк, в пехоту-матушку? Это хорошо. А то я боялся, что из-за ноги в какие-нибудь другие войска переведут. Обидно было бы уходить: всю войну в этом полку провел, как родная семья он для меня.

– Насчет полка не знаю. – Врач взял со стола небольшую бумажку, на которой крупным размашистым почерком было что-то написано. – Мне приказано направить вас к полковнику Всеволодову.

– Всеволодову? Кто это такой?

– Там все узнаете. Вот адрес.

Капитан, недоумевая, вертел в руках предписание. Он был встревожен и немного расстроен, не зная, зачем понадобился неизвестному полковнику.

Однако приказ есть приказ. Его надо выполнять. Выйдя из госпиталя, после того как были окончены все необходимые формальности, капитан направился прямо в указанное место.

Наступал тихий вечер начала осени. Дрига с особым удовольствием человека, к которому возвратились силы и здоровье, оглядывался вокруг, четко печатая шаг по тротуару.

После долгого пребывания в госпитале ему казались необычайно веселыми и нарядными кленовские улицы, красивыми костюмы прохожих, звонким и заразительным девичий смех.

Ростислав Дрига ушел из Кленова в сорок первом году, когда фашистские части уже ворвались на окраины города. На всю жизнь запомнились Ростиславу дымы пожаров над горизонтом, пустынные кварталы, едкая пыль и зной дорог отступления. И потом, далеко на востоке, где вел бои полк Дриги, Ростислав не переставал думать о Кленове, надеяться и верить, что снова вернется в этот город.

Теперь, наконец, Дрига шагал по кленовским улицам, с искренней радостью отмечая, что город сравнительно мало пострадал от войны.

Средневековые дома на площади Рынок хранили вечное, чуть нахмуренное спокойствие. Ратуша вздымала ввысь свою стройную четырехугольную башню. Над башней, в пепельной голубизне неба, реял большой красный флаг.

Недалеко от ратуши стоял костел. Ядра, которыми Богдан Хмельницкий когда-то обстреливал княжеский замок-крепость, висели на своих цепях, напоминая о бурной и мятежной истории города. Готический шпиль костела – угловатый, мрачный, нескладный – тянулся к облакам.

На Первомайской Дригу оглушили звонки трамвая, гул автомобилей – кипучая городская жизнь. Капитан особенно любил эти предвечерние часы, когда солнце золотит купол здания оперного театра, тень от каштанов становится гуще и фонарщик с длинной палкой, на конце которой синим огоньком вспыхивает намоченная в бензине вата, начинает обход своего нехитрого хозяйства. Зажженные газовые фонари отмечают его путь, бросая вокруг себя пульсирующий зеленовато-белый свет.

Пройдя еще два квартала, Дрига оказался у цели. Дежурный проверил его документы и попросил подняться на четвертый этаж, в комнату номер тридцать два.

Постучав и получив разрешение войти, Дрига распахнул дверь:

– Капитан Дрига прибыл по вашему приказанию.

– Здравствуйте, капитан, садитесь.

Из-за широкого письменного стола навстречу Дриге поднялся полковник лет пятидесяти. Спокойные серые глаза его внимательно и дружелюбно осматривали молодого офицера. Однако взгляд полковника не упускал ни одной мелочи. Широкое гладко выбритое лицо, с несколькими глубокими морщинами поперек лба, говорило о большой выдержке и твердом характере. В черных густых волосах выделялась одна тонкая серебряно-седая прядь.

– Моя фамилия Всеволодов, – сказал полковник и, помолчав немного, спросил: – Вы знаете, зачем я вас вызвал?

– Нет, товарищ, полковник.

– Я хочу перевести вас к себе.

Полковник сделал несколько медленных шагов по комнате. Ковер заглушал стук тяжелых армейских сапог, только жалобно поскрипывали плитки паркета – Всеволодов был высок

и грузен. Его фигура отличалась той массивностью, которая дается здоровым людям, привыкшим с детских лет к физическому труду.

– Вы очень нужны нам, – продолжал полковник после небольшой паузы. – Вы уроженец этого края, хорошо знаете его людей, владеете русским, украинским, польским и, кажется, немецким? Да?

– Так точно, товарищ полковник.

Всеволодов не оставил без внимания официальную сухость ответа. Полковник еще раз внимательно посмотрел на Дригу.

Капитан сидел прямо, но не напряженно, в свободно сдержанной позе. Он был одет аккуратно, даже щеголевато – во все новое, с желтыми, сильно пахнущими кожей ремнями снаряжения. По тому, как ловко и свободно облегал его тонкую фигуру китель, чувствовался бывалый кадровый военный. Всеволодов сам был аккуратен до педантичности и ценил это качество в других. Ему нравилось, когда молодой офицер старался щегольнуть подтянутостью, точным выполнением требований устава не только в работе, но и в одежде. «Значит, человек уважает форму, – говорил полковник, – понимает, что офицеру не к лицу одеваться кое-как».

Внушало симпатию Всеволодову и лицо Дриги – простое, с задорным взглядом черных глаз, в глубине которых секундами появлялась суровая задумчивость, свойственная людям, не раз встречавшим угрозу смерти.

Когда полковник сказал, что хочет взять Дригу к себе, на лице капитана появилось выражение растерянности.

– Я знаю, о чем вы думаете, капитан, – сказал Всеволодов. – Вы обижены тем, что вас – боевого офицера, храброго и опытного командира – переводят из действующей армии в тыл. Но это не так. Вот посмотрите. – Всеволодов встал, подошел к окну, распахнул его. В комнату упругой волной ворвался свежий ветер. – Перед вами спокойный тыловой город. Он спит. В мирных домах отдыхают люди, прошедшие день в напряженном труде для фронта. Мать баюкает на коленях ребенка; студент сидит над книгой, готовясь к экзамену; ученый обдумывает новое открытие... И где-то среди тысяч людей, на одной из тихих, спокойных улиц, притаился враг. Враг всех мирных людей, ваш враг, капитан Дрига.

Всеволодов стоял, опершись обеими руками о подоконник, всматриваясь в темноту. Казалось, его зрение стало фантастически острым и пожилой человек с тонкой седой прядью в волосах приобрел способность видеть сквозь мрак ночи, сквозь стены и крыши домов.

– До сих пор вы знали врага – он был по ту сторону фронта, носил зеленый мундир гитлеровской армии. Все было очень ясно и просто. Где же враг теперь? Кто он? Как он одет? Притворился ли рабочим, торговцем, крестьянином? Что он делает в этом уснувшем после трудового дня городе? Пишет? Разговаривает? Ест? Вы ничего этого не знаете, капитан Дрига. Но вы должны будете узнать. Должны будете среди тысяч честных, благородных людей найти одну ядовитую гадину. Найти и обезвредить ее, прежде чем она успеет сделать свое гнусное дело.

Всеволодов закрыл окно и медленно зашагал по кабинету. Дрига молчал, стараясь не пропустить ни одного слова полковника. Тонко и жалобно поскрипывал паркет под ногами Всеволодова.

– Конечно, задача эта трудная, капитан. Но у нас с вами много друзей и помощников. Наши враги всегда поражаются успехам советской разведки, выдумывают про нас всевозможные фантастические истории. Они не могут понять одного: в их странах со шпионами воюют сыщики, у нас – народ. Народ дает нам силу, окружает нас своей поддержкой, против которой бессильны ухищрения самого матерого шпиона. Партия учит нас бдительности, воле к победе, ясному пониманию своих задач. Вы должны всегда думать об этом, капитан Дрига. Вы – защитник народа и слуга его...

Полковник, круто повернувшись, сел за стол.

– Я совсем не знаю, как браться за дело, – нерешительно сказал Дрига.

– Вам предстоит кропотливая, на первый взгляд даже скучная работа. О ней никто не будет знать. Но эта работа нужна стране. Вот что произошло со мной много лет назад, когда я только вступал на этот путь. В те годы у нас еще не было своей тракторной промышленности, мы покупали тракторы за границей, платили за них втридорога золотом и валютой. Наши враги применили метод экономической диверсии – контрабандой вывозили ценности из Советской страны, чтобы нам нечем было платить за купленные машины. Я в то время служил на границе. Это была нелегкая служба, капитан, – возиться с трусливыми, хныкающими контрабандистами, отыскивать в потаенных местах золото, бриллианты, доллары. Я тяготился этим, мечтал о ярких подвигах, а поздно ночью в своей тетради отмечал, сколько сегодня было найдено и конфисковано ценностей. И когда я подсчитал общую сумму, то оказалось, что ее хватит на покупку десяти тракторов. Я – рядовой солдат отряда чекистов – помог приобрести стране десять тракторов! А вы знаете, чем для нас были в ту пору тракторы. Вот наша работа, капитан. С тех пор я по-настоящему полюбил ее, приучился смотреть на всякое, даже самое маленькое дело широко, с государственной точки зрения. Если и вы будете понимать свое дело так, то вам не страшны никакие трудности, связанные с ним. Мы – коммунисты и как коммунисты выполняем свой долг... Вот, пожалуй, все, что я хотел сказать вам перед тем, как вы примете окончательное решение. Если не хотите работать у нас – не настаиваю.

Дрига уже принял решение.

– Я согласен, товарищ полковник, – твердо сказал он.

– Вот и чудесно, Ростислав Петрович, – полковник протянул Дриге свою большую, с длинными тонкими пальцами руку. – А теперь я вызову майора Боренко, и мы разработаем ваше первое задание.

Глава четвертая На площади рынок

Кварталах в пяти от центра Кленова, на площади Рынок, стоит старое, но хорошо сохранившееся трехэтажное здание. Тот, кто минует низкий сводчатый тоннель, напоминающий, как и в большинстве средневековых домов, вход в крепость, очутится в узком полутемном дворе, выложенном стершимися от шагов многих поколений каменными плитами. С правой стороны двора, над дверью, любопытный прохожий мог увидеть вывеску:

Б у ф е т
Горячие и холодные закуски
Флячки
Обеды, как у мамы

В нижнем углу вывески мелкими белыми буквами была тщательно выведена фамилия владельца – «Семен Тыскив».

Если верить словам самого Тыскива – тучного, красноногого человека с быстро бегающими глазами, медленными, осторожными движениями по-женски пухлых, всегда потных рук, то под этой скромной вывеской скрывалась одна из достопримечательностей Кленова.

– Мое заведение – самое старое в нашем городе, – говорил Тыскив тем из посетителей, кто удостоивался его особого доверия и уважения. – Оно существует триста лет. Это историческое заведение, его основал мой предок Фридрих Тиссен, выходец из Пруссии.

Справедливость требует отметить, что такие беседы Тыскиву приходилось вести нечасто. Для большинства посетителей трехсотлетнего кабака его «историческое» прошлое не представляло никакого интереса.

В годы немецкой оккупации Кленова дела Семена Тыскива шли неплохо. Взывая к памяти своего предка Фридриха, выходца из Пруссии, Тыскив добился того, что его чисто арийское происхождение было установлено и, главное, официально удостоверено. Еще более подняло среди фашистских властей репутацию Тыскива деятельное участие, которое он принимал в разрушении находящейся неподалеку синагоги «Золотая Роза», и то, что его сын пошел добровольцем в дивизию СС, сформированную по специальному заданию Гитлера для карательных экспедиций по селам и для борьбы с партизанами.

Те годы были периодом расцвета заведения Тыскива. Его часто посещали гестаповские офицеры, связанные с предателями из среды украинских буржуазных националистов, и их менее высокопоставленные коллеги – обычные бандиты, которые почувствовали себя в безопасности в городе, подпавшем под власть фашистов. До зари не смолкали песни в старинном доме, слышались пьяные крики, а часто – стрельба: какой-нибудь загулявший эсэсовец разрешал спор с собутыльником при помощи наиболее привычного для себя способа.

Бежать с гитлеровцами, когда советские войска подходили к городу, Тыскив не смог. Ober-лейтенанты и майоры, так благосклонно выслушивавшие его рассказы о предке Фридрихе за бутылкой вермута, теперь не обращали внимания на Тыскива, ползавшего у их ног, умоляя уступить место в эшелонах, отправлявшихся на запад. А роттенштарфюрер Вайц – один из наиболее частых посетителей заведения и даже должник Тыскива – пообещал повесить незадачливого кабатчика, если он осмелится еще хоть раз побеспокоить офицера СС своими назойливыми просьбами. После этого Тыскив больше не появлялся в комендатуре, прекрасно зная, что такого рода обещания герр роттенштарфюрер выполняет более чем аккуратно.

Потомок выходца из Пруссии сменил крикливую, написанную по-немецки вывеску «Ресторан “Три столетия”» на более скромную, уже виденную нами «Буфет», и принялся ждать событий.

После бегства фашистов из Кленова дела Тыскива шли все хуже и хуже. Правда, прямых улик о каком-либо нарушении советского закона против него не было, а о прошлом Тыскива и о судьбе его сына ходили пока только слухи, совершенно недостаточные для обвинения, но Тыскив понимал, что рано или поздно все им сделанное откроется и тогда наступит расплата.

Роман Дасько появился в буфете Тыскива под вечер, когда фонари на площади Рынок были уже зажжены и бросали свой неяркий свет на стройную статую Дианы, стоящую посреди бассейна у Ратуши.

Войдя во двор, Дасько осторожно оглянулся. Ничего подозрительного он не заметил. С площади доносились звонкие детские голоса, цоканье копыт ломовой лошади, тянувшей нагруженную ящиками подводу.

Дасько дернул резко заскрипевшую дверь и поднялся по узкой без перил винтовой лестнице на второй этаж. Здесь и помещалось заведение Семена Тыскива – большая комната со сводчатым потолком и узкими окнами-бойницами.

В глубине комнаты находилась стойка, за которой расположился сам Тыскив. Над ним висела газовая лампа с пятью рожками. Другая лампа – в три рожка – была над входной дверью. Тыскив считал ненужным и даже вредным слишком сильно освещать свое заведение. Мало ли какие дела могут быть у людей, и если для этих дел нужен темный угол, то долг хозяина позаботиться, чтобы такой угол имелся.

Войдя, Дасько на секунду остановился у порога, внимательно оглядываясь. Затем он приблизился к Тыскиву, любезно раскланивавшемуся с посетителем – первым за этот вечер.

– Дайте мне кружку пива и чего-нибудь закусить, – сказал Дасько.

– Прошу, прошу... Может быть, флячки?

– Хорошо.

Дасько внимательно следил, как хлопочет хозяин. Когда флячки были принесены, Роман пригласил Тыскива присесть с ним за стол.

– Вам все равно больше нечего делать, – сказал Дасько. – Торговля, как я вижу, идет неважно.

– Неважно, – вздохнул Тыскив. – Посетителей с каждым днем становится все меньше.

– Не то что пару лет назад? – прищурившись и пожимая плечами, спросил Дасько.

Маленькие быстрые глазки кабатчика забегали еще быстрее. Потная рука под столом дрогнула.

– Что вы этим хотите сказать? – ответил он вопросом на вопрос.

– Ничего особенного. Просто я бывал у вас в сорок втором году и помню, как веселились в ресторане «Три столетия».

Тыскив молчал. Взгляд его все так же метался от предмета к предмету, не в силах остановиться на одном месте.

– Тогда вам не приходилось думать о том, чтобы свести концы с концами, – не унимался Дасько. – Даже кое-что про черный день отложили. А?

– Я не понимаю, к чему весь этот разговор, – пробормотал Тыскив.

– Поймете. Не надо торопиться. Разве ваш друг роттенштарфюрер Вайц не говорил вам об этом важнейшем правиле – никогда не торопиться?

Тыскив молчал. Теперь уже не только руки, но и лоб, шея его покрылись крупной испариной.

– Так вот, – ударил кулаком себя по колену Дасько. – Я пришел сюда не для пустых разговоров. Мне нужна ваша помощь. Кто я такой, думаю, объяснять нечего.

– Нет, не могу, – тяжело мотнул головой Тыскив. Толстые щеки его затряслись при этом движении.

– Не говорите этого, узнайте сперва, какая будет плата.

– Плата? – Маленькие глазки кабатчика сверкнули жадностью. Так вспыхивали они всегда, когда заходил разговор о деньгах. – Плата?

– Да. Вы заработаете очень хорошо. А потребую я от вас пустяки – не замечать, кто к вам приходит, и иногда, очень редко, передать, кому надо, несколько слов.

– И все?

– Все.

Тыскив шумно вздохнул. Алчные огоньки в его глазах разгорелись сильнее, потом погасли.

– Нет, не могу. Боюсь.

– Но чего же вам бояться? Ведь я говорю о совсем маленькой услуге, хотя выиграть от нее вы можете очень много.

Дасько придвинулся ближе к Тыскиву, заговорил с жаром, убеждающе:

– Вот уже теперь в вашем буфете почти не бывает посетителей. Пройдет еще год-два, и его совсем придется закрыть. Куда вы тогда пойдете? А я вам помогу пробраться за границу. У вас будут деньги, у вас будут все возможности стать хозяином, зажиточным самостоятельным человеком. Вот, смотрите...

Дасько вынул из кармана бумажник, раскрыл его, достал аккуратно обернутую в бумагу фотографию.

– Видите?

Тыскив вздрогнул, как от удара, но сумел быстро овладеть собой.

– Что?

– А, черт, – досадливо поморщился Дасько. – Да не валяйте вы дурака! Я вовсе не собираюсь вас шантажировать, так чего же вы боитесь признать собственного сына? Ведь и вы и я прекрасно знаем, что это фотография вашего сына, унтер-офицера дивизии СС. Он сейчас в плену у американцев и чувствует себя превосходно. Он ждет вас, вместе с сыном вы еще будете делать дела и сколотите себе состояние.

Тыскив судорожно проглотил комок, застрявший в горле.

– Я должен подумать, – сказал кабатчик. – Сразу нельзя принимать таких решений.

– Думать нечего. Я вам раскрываю заманчивые перспективы, вы должны были бы еще поблагодарить меня. Другой на моем месте, – Дасько многозначительно посмотрел на кабатчика, – просто пригрозил бы, что сообщит о ваших прошлых проделках советскому прокурору, и вы бы не стали колебаться. А я еще деликатничаю, даю вам задаток...

Дасько достал из кармана пачку кредиток, помусолил пальцы, начал отсчитывать.

– Пятьдесят, сто, двести, триста. Берите. Это ваши.

Тыскив почти машинально, как во сне, протянул руку.

– Хорошо, – сказал он. – Что я должен делать?

– Сегодня – ничего. Завтра – увидим. Расписки я не требую. Я вам доверяю.

Дасько аккуратно собрал корочкой хлеба остатки соуса с тарелки, допил пиво и, не прощаясь, вышел. Тыскив сидел без движения, устремив пустые глаза на захлопнувшуюся за неожиданным прищельцем дверь. Когда шаги Дасько на лестнице стали затихать, кабатчик поднялся, хотел подбежать к окну, крикнуть что-то, но, почувствовав в руке деньги, передумал.

Выйдя в соседнюю комнату, он сдвинул с места широкий дубовый шкаф. Взяв тонкий перочинный нож, Тыскив всунул его в щель между двумя плитками паркета. Открылось маленькое углубление-тайник. Там, тщательно завернутые в тряпку, хранились две золотые челюсти и с десяток обручальных колец. Тыскив присоединил к ним измятые, мокрые от его потных рук бумажки.

Всю ночь Семен Тыскив не мог заснуть. Страх мучил его. Гудки автомобилей, шаги прохожих, раздававшиеся особенно четко в ночной тишине, бросали его в холодный пот – Тыскиву казалось, что идут его арестовать. Несколько раз он вставал с постели и подходил к окну, всматриваясь в темень двора. Там, в углу, под низкими сводами входа-тоннеля, чудились Тыскиву человеческие тени.

Забываясь сном Тыскив лишь под утро. Сон его был тревожен и неспокоен. Он увидел своего предка Фридриха. Одетый в костюм средневекового бюргера, Фридрих стоял за стойкой и ободряюще подмигивал Семену.

Этот сон или розовые лучи солнца, разогнавшие ночные страхи, ободрили Тыскива. В конце концов, может быть, все обойдется благополучно.

Дасько тоже долго не мог заснуть. Он размышлял о том, как идет выполнение порученного ему дела. Пока особыми успехами похвастаться нельзя. Некоторые из тех, кого знал Дасько в годы оккупации, или уехали с гитлеровцами, или скрылись какими-либо другими путями. Те, кому не удалось бежать, были арестованы – население города деятельно помогало органам государственной безопасности вылавливать военных преступников и пособников оккупантов. Таким образом, восстановить старые связи Дасько не удавалось.

Но шпион не терял надежды. Он предполагал, что при энергии и настойчивости сумеет найти нужных людей.

Встреча с Тыскивом была только началом задуманного Дасько плана. Прежде всего шпиону нужно было найти безопасное место для встреч и свиданий, а что может быть лучше в этом отношении, чем пивная, куда приходит и откуда уходит кто угодно, не вызывая подозрений. Дасько намеревался использовать Тыскива как связного – через него передавать приказания своим людям.

Все эти соображения ободряли Дасько. Он считал, что не теряет времени даром.

Глава пятая

Чекисты никогда не стоят в резерве

Кундюк с женой жил в квартире номер три. Четвертую квартиру занимали брат и сестра – Михаил и Стефа Гнатышины.

Человек, склонный к высокопарным выражениям, сказал бы, что Кундюков от их соседей разделяла не лестничная площадка, а пропасть – так далеки они были друг от друга по своему характеру, прошлому, мыслям.

Декабрьской ночью 1941 года проходивший по железнодорожным путям полицейский увидел возле одного из вагонов темную фигуру. Полицейский подкрался ближе и окликнул неизвестного. Тот хотел бежать, но полицейский выстрелил и ранил его в ногу. Неизвестный оказался осмотрщиком вагонов Зеноном Гнатышиным. Он сыпал песок в буксы вагона с грузом для Восточного фронта.

Все старания гестаповцев найти сообщников Гнатышина ни к чему не привели – Зенон молчал под самыми жестокими пытками. Его расстреляли.

Когда гестапо явилось на квартиру Гнатышиных, то там никого не обнаружили. Товарищи-рабочие сумели предупредить Михаила и Стефу. Матери у них не было.

Пожив несколько недель в деревне у дальних родственников, брат и сестра ушли в партизанский отряд. Вернулись они в Кленов только тогда, когда город был освобожден от фашистов, и поселились в своей старой квартире. Михаил стал работать в том же депо, где столько лет служил его отец; Стефа, которой исполнилось уже восемнадцать лет, намеревалась поступить на курсы подготовки в медицинский институт.

Зенон Гнатышин был человеком общительным, имевшим много друзей. Стефа и Михаил характерами пошли в отца. У них дома всегда собиралась гурьба сверстников: одноклассники вместе готовили уроки, подруги прибегали к Стефе поделиться своими девичьими секретами.

– Правильно, ребятаки, – говорил Зенон, наблюдая за молодежью. – Так и надо. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Это было до войны.

Возвратясь в родной город, Стефа не раз чувствовала себя одинокой. Михаил порой неделями не выходил из депо – приходилось срочно восстанавливать разрушенное гитлеровцами железнодорожное хозяйство. Возвращался он домой усталый, еле успевал переброситься несколькими словами с сестрой и тотчас засыпал, чтобы завтра до рассвета опять уйти на работу. Старые знакомые Стефы за время оккупации потерялись из вида – кто был арестован и погиб, кого увезли в Германию, кто бежал от фашистов из Кленова. В партизанском отряде жителей Кленова почти не было, и теперь Стефе нечасто приходилось встречать кого-либо из своих боевых друзей. Стефа думала было поступить на службу, но курсы, где она собиралась учиться, должны были открыться с недели на неделю, и Стефа не хотела себя связывать работой, пока не выяснится положение с учебой. Все это привело к тому, что в часы, свободные от занятий и домашних дел, Стефа оставалась в одиночестве, тягостном для нее.

Когда встретивший Стефу на улице управдом сказал, что в пустующую после смерти отца комнату квартиры Гнатышиных поселится новый жилец, девушка была от души довольна. Обрадовался этому и Михаил.

– Все тебе веселее будет, – сказал он. – А то ты целыми вечерами сидишь одна.

Новый жилец не заставил себя долго ждать. На следующее утро в дверь к Гнатышиным постучали. Михаила не было, открыла Стефа.

На площадке стоял мужчина лет тридцати, одетый в не новый, но аккуратно выглаженный и тщательно вычищенный костюм. С наблюдательностью бывшей партизанки, Стефа сразу успела заметить, что незнакомец должен быть очень ловок, силен, несмотря на свою тонкую

фигуру; характер у него добродушный, покладистый – об этом говорил мягкий взгляд, веселые лучики вокруг черных глаз, спокойная и уверенная речь.

– Здесь живет Михаил Гнатышин? – спросил незнакомец.

– Здесь, – ответила Стефа. – Я его сестра. Проходите, пожалуйста.

– Меня направил к вам управдом. Сказал, что в вашей квартире есть свободная комната.

– Как же, как же, есть. Раньше в ней жил отец, а теперь она нам не нужна. Не зря же ей стоять!

– Вот и хорошо. Куда мне пройти?

Стефа показала новому соседу его жилище, дала ключ.

– Вот и хорошо, – повторил пришедший, ставя на пол небольшой фибровый чемоданчик, который держал в руках. – Теперь давайте познакомимся. Фамилия моя – Шостак. А зовите просто Василем.

– А меня – Стефой, – сказала девушка, протягивая Василию руку.

– Ладно. Теперь буду устраиваться.

У Стефы было в характере свойство, унаследованное от матери, – склонность к хлопотам о порядке, уюте в доме. «Ох и суетливая же ты, – частенько говорил ей Михаил. – Снуешь туда-сюда. Успеешь пол подмести, посиди немного». Сестра обычно не обращала на эти речи внимания, не успокаивалась, пока в квартире не оставалось ни одной пылинки, даже в самых укромных местах.

Так и сейчас – Стефа немедленно забегала, засуетилась.

– Как же вам устраиваться? – ответила она Шостаку. – Ведь все имущество ваше в одном чемоданчике. Ни кровати, ни матраца, ни мебели. Ну да не беда – сейчас уладим дело.

Василь, немного смущенный, не успел опомниться, как она уже собирала принесенную из кладовой раскладную кровать, вытирала пыль на подоконнике, выдвигала из соседней комнаты шкаф для платья и небольшой стол.

– Напрасно беспокоитесь, вам же самим все это нужно, – бормотал Василь.

– Молчите, – командирским тоном ответила девушка. – Купите себе мебель – отдадите эту обратно. Не купите – и так хорошо. Все равно без толка стоит.

Лишь когда долго пустовавшая комната снова приобрела жилой вид, Стефа успокоилась и ушла к себе, добавив на прощанье:

– Если что нужно, – не стесняйтесь, говорите.

«Хорошая девушка, – думал про себя Дрига (это он под фамилией Шостака поселился у Гнатышиных, чтобы иметь возможность лучше следить за квартирой Кундюка), – очень хорошая».

Михаил пришел в этот день с работы раньше обычного, и брат с сестрой позвали к себе нового соседа пить чай.

– Бросьте церемониться, – махнула рукой Стефа в ответ на отказ Василя. – Идемте.

Шостак улыбнулся ее решительному тону и пошел в столовую, где его ждал Михаил.

Брат Стефы был юноша лет двадцати – на два года старше сестры, ниже ее ростом, с характерными резкими чертами лица. Такие лица бывают у рано повзрослевших, рано узнавших горе, рано привыкших преодолевать жизненные препятствия. Но горе не сделало Михаила угрюмым, замкнутым. Протянув руку Василию, он улыбнулся широко и доверчиво. Эта улыбка как бы осветила его, и Василь понял, что Михаил, несмотря на многое пережитое, сохранил веру в людей и любовь к ним.

– Как понравилось на новом месте? – спросил Михаил, когда сели за стол.

– Лучше и не надо. Беспокойства только много вашей сестре причинил.

– Какое же беспокойство, – вмешалась Стефа. – Надо же помочь человеку.

– Да, она у меня хлопотунья, – рассмеявшись, сказал Михаил. – В партизанском отряде ее так и звали: «сестра-хозяйка». Бывало, в землянке увидит, что кто-нибудь не на место поставил сапоги, – целый скандал поднимет.

– В партизанском отряде? – переспросил Василь. – А вы были в партизанах?

– С сорок первого по сорок четвертый. Вместе с Красной армией вошли в город.

– Молодцы. Обстрелянные, значит, хотя и молодые.

– Вы, наверное, тоже воевали? – спросила Стефа.

– Пришлось. Под Сталинградом был, под Москвой.

– Под Москвой! – вместе воскликнули брат и сестра. – И в самой Москве были?

– Был.

– Еще до войны мы со Стефой туда попасть мечтали. Отец в августе сорок первого года отпуск должен был взять, билет ему бесплатный полагался – он на железной дороге работал. Очень мы к этой поездке готовились, да вот... – Глаза Михаила потемнели...

Стефа первая прервала молчание.

– Расскажите нам о Москве, – попросила она.

– Что же рассказывать... Тогда Москва необычная была – военная, суровая... С вокзала я пошел прямо на Красную площадь. День был серый, холодный, по асфальту метет снег, а я холода не чувствую – шутка ли: в Москву попасть удалось. Обо всем забыл. Стал против Кремля и думаю: а вдруг сейчас к окну сам товарищ Сталин подойдет и я его увижу!

– Я тоже об этом мечтала! – воскликнула Стефа. – Помнишь, Михайлик, тебе рассказывала: как приедем в Москву, целыми днями буду у Кремля стоять – ждать, может, товарища Сталина удастся хоть на секунду увидеть.

– Значит, мечты у нас с вами одинаковые, – сказал Василь и смутился. Стефа, тоже не зная почему, покраснела.

– Не только у нас, – возразил Михаил. – Кто из советских людей не мечтает об этом... Ну да рассказывайте дальше.

– Сталина увидеть мне не пришлось, но передумал я за час, что стоял на Красной площади, столько, сколько в другой раз на целый день хватит. Всю свою жизнь вспомнил, и о будущем сам с собой говорил, и о товарищах, и о всей стране нашей... Большой это был час для меня.

Василь замолчал, охваченный своими мыслями. Взглянув на часы, он поднялся из-за стола.

– Заговорился я с вами, молодые хозяева. Идти пора.

– Жаль, – искренне сказала Стефа. – Очень жаль.

Слова эти вырвались у нее от души, но, произнеся их, девушка покраснела, как тогда, когда Василь сказал об общих мечтах.

– Устали, наверно, отдыхать ляжете, – быстро сказала Стефа, чтобы скрыть свое смущение.

– Нет, – ответил Василь. – В город надо сходить.

– В город? – удивился Михаил. – Поздно ведь.

– Дела есть, – коротко ответил Шостак.

– Что ж, раз надо, так надо. Ключ от парадной двери дай, Стефа.

– Симпатичный парень, – сказал Михаил сестре, когда они остались вдвоем.

Стефа привыкла делиться с братом всеми мыслями, но на этот раз не ответила ничего, хотя была полностью согласна с Михаилом. Что заставило ее промолчать, девушка и сама не знала.

Убрав со стола, Стефа ушла в свою комнату. Она хотела позаниматься перед сном, но мысли отрывались от учебника. Думалось о Москве, о Красной площади, о том, как Василь стоял под холодным снежным ветром и не отрываясь смотрел на кремлевские окна.

Девушка отложила учебник и взяла томик стихов. Читала она долго – так и заснула, не потушив лампы, положив руку на раскрытую книгу.

Сквозь сон Стефа слышала, что вернулся домой новый сосед за полночь. Вышел он из своей комнаты только часам к одиннадцати утра.

– Поздненько вы вчера загуляли, – шутливо сказала Стефа, когда они с Василем встретились в коридоре.

– Я не гулял... Впрочем – и погулять пришлось.

Он круто повернулся и ушел в свою комнату. Стефа недоуменно посмотрела ему вслед, не понимая, почему Василь так резко оборвал разговор. «Обиделся он на меня, что ли? – думала девушка. – Но за что же? Вот чудак! А если не хочет со мной разговаривать, то и не надо».

Вечером, когда Михаил спросил, где Василь, Стефа только пожала плечами.

– Откуда я знаю, – ответила она немного погодя. – Только мне и дела, что за ним смотреть.

Про себя Стефа решила, что если Василь явится и Михаил будет его приглашать, как вчера, то она уйдет в свою комнату – заниматься. «Нечего зря время проводить, – уговаривала себя девушка. – Запустишь учебу, потом не наверстаешь. Да и интересного в его рассказах ничего нет».

И все же, против воли, Стефа прислушивалась к шагам на лестнице, гадая: не Василь ли это? А когда Василь наконец пришел, она тут же попросила брата:

– Пойди, Михайлик, позови его чай пить.

– Я и сам хотел идти за ним, – ответил Михаил. – Ему одному скучно в своей комнате.

И опять они просидели втроем весь вечер.

Так началась дружба Дриги со Стефой.

Ростислава привлекал открытый, прямой характер девушки. «Надежным другом она должна быть, – думал Ростислав о Стефе. – Недаром боевую школу в партизанском отряде прошла».

Когда Дриге выпало несколько свободных часов, он предложил Стефе пойти погулять вместе. Девушка с радостью согласилась.

Они отправились на Княжью гору – старый парк, раскинувшийся по склонам холмов, возвышавшихся над городом.

В парке было тихо, безлюдно. В воздухе носился тонкий, чуть уловимый запах увядшей листвы. Бурые листья дубов, ржавые – каштанов, ярко-красные и желтые – кленов шуршали под ногами. Этот легкий звук, обрывающийся при каждом шаге, навевал прозрачную, неясную, беспричинную грусть.

Ростислав и Стефа, безотчетно поддавшись очарованию осеннего парка, шли молча, изредка перебрасываясь короткими фразами.

Но печаль – недолгая гостья в молодом сердце. Когда Дрига и его спутница вышли на небольшую площадку почти у самой вершины, настроение их сразу переменилось.

Перед ними раскрылся город – бесконечные ряды домов, острые шпили соборов, прямые ленты улиц. Давно перевалило за полдень, солнечные лучи превращали в червленое золото черепицу крыш, пронизывали багровыми стрелками дрожащие волны тепла, поднимающегося от нагретых за день стен, мостовых, тротуаров. Неясный гул – голос большого города, в котором трудно было уловить отдельные звуки, как трудно уловить слова песни, которую хор поет вдалеке, – доносился сюда, к вершине горы, и в этом голосе была нескончаемая бодрость, уверенность, сила.

– Как хорошо, – первой прервала молчание Стефа. – Смотрите, вон институт, в котором я буду учиться.

Девушка показывала на прямые строгие корпуса, блестящие широкими окнами.

Дрига ловил каждое слово девушки, но в то же время прислушивался к какому-то другому разговору, внутреннему, который, казалось Ростиславу, происходил между ним и Стефой. Что говорили они друг другу в этом разговоре, Дрига не знал, но понимал: что-то очень хорошее, дружелюбное, ласковое. И этот разговор не отвлекал Дригу от других мыслей, не мешал видеть красоту озаренного вечерним заходящим солнцем города – наоборот, делал Ростислава особенно восприимчивым, чутким, зорким, способным без конца впитывать в себя новые и новые радостные впечатления.

– Смотрите, смотрите, – тормозила своего спутника Стефа. – Вот там наш институт. Я говорю «наш», как будто уже учусь там, – засмеялась она сама над собой. – Но это ничего. Не такие крепости брать приходилось. – Глаза ее из лукавых, с лучистыми, вспыхивающими искорками, стали твердыми, упорными, холодными. Дрига понял: она не отступит от поставленной цели. – Вот туда, правее, – политехнический, за ним – университет. Видите?

– Вижу.

– Скоро кончится война, – задумчиво сказала Стефа, – снимут затемнение, и мы опять придем сюда – вечером. Вы увидите, как красив Кленов – он весь в огнях. В сорок первом году мы со школьными подругами часто бывали здесь. Ночью освещенный университет похож на корабль – большой, сильный, рассекающий волны. А политехнический институт – как целый поселок, столько сияет в его окнах огней. Я часто думала тогда: скорей бы мне стать совсем взрослой, студенткой, сидеть поздно вечером там, в лаборатории, когда вокруг тихо-тихо, и готовиться к важному открытию, такому, чтобы о нем узнали по всей стране. Не из честолюбия, нет, пусть моя фамилия даже осталась бы неизвестной, но чтобы о моем открытии знали все, чтобы каждому советскому человеку оно принесло пользу.

– Значит, вы хотели учиться в политехническом институте? Почему же теперь выбрали медицинский?

– А разве только в технике можно делать открытия? В медицине даже еще больший простор для исследователя. Что может быть благороднее борьбы за здоровье человека, за жизнь его, против болезней, которые приносят несчастье и горе.

– Да, я всей душой одобряю ваш выбор, – сказал Ростислав.

Они присели на старенькую, давно не крашенную скамейку, на спинке которой крупными буквами было вырезано имя «Богдан» и овальное, похожее на сливу, сердце, пронзенное длинной, покривившейся стрелой.

Капитан и его спутница сидели молча, наблюдая за большим розоватым облаком над горизонтом – облаком, похожим на огромную снежную бабу. Снежная баба плыла в голубовато-синем небесном просторе медленно, не торопясь, с чувством собственного достоинства. Незаметно ее очертания стали меняться, расплываться и через минуту на месте бабы оказался ребрастый, худой крокодил, с хищно вытянутым носом.

Над городом пронесся протяжный звук гудка ближней фабрики, ему ответил другой, третий, четвертый – кончилась дневная смена. Гудки – одни чуть с хрипотцой, старые, натруженные, другие – молодые, задорно резкие, рассказывали о честном трудовом дне, о заслуженном отдыхе рабочего человека, о том, как хорошо, вернувшись домой, смыть холодной струей из-под крана усталость и думать о том, что еще один день не ушел зря, можно с гордостью вспоминать о том, что сделано сегодня.

Слушая голоса гудков, чувствуя близость Стефы, Дрига ощутил глубокий прилив бодрости, сил, энергии. Он думал о том, сколь велика честь быть часовым и защитником этого мирного труда, грудью встречать опасности, грозящие людям, даже и не предполагающим об этом, защищать возможность для Стефы и подобных ей делать открытия, которые станут известны всей стране, для рабочего – трудиться за своим станком, для поэта – слагать стихи, для только что родившегося младенца – прожить солнечную, наполненную радостью труда и побед жизнь.

Неслышный, внутренний разговор, который велся все время между Ростиславом и Стефой, чувствовал не только он, но и она. Мысли ее отдаленно, неясно и в то же время точно совпадали с думами Ростислава, откликались на них. Сейчас она, глубоко вздохнув, сказала:

– Мы с вами молоды, а нам уже многое пришлось пережить, и все-таки я рада, что родилась в такое время. Люди будущих поколений будут с восхищением читать о наших современниках и в глубине души, может быть, завидовать нам. Ведь наша эпоха – это эпоха самых грандиозных и самых героических дел.

– У каждого поколения свои героические дела, – возразил Дрига. – Люди станут покорять природу, отправляться на другие планеты.

– Это верно. А все же на нашу долю выпала большая честь – начать строить коммунизм.

– Я читал о тех, – Дрига говорил, отвечая своим и в то же время понятным Стефе мыслям, – которые посвятили себя борьбе за счастье будущих поколений, а сами отказывались от всех радостей, становились какими-то монахами, аскетами, что ли. По-моему, это неправильно. Можно всего себя отдать великой цели и в то же время любить красоту, а прежде всего чувствовать радость оттого, что избрал верный путь в жизни, пусть этот путь и будет суровым.

Стефа понимала внутренний, глубокий смысл его слов – неслышный разговор продолжался.

– Я согласна с вами, – ответила девушка. – Только в кино партизанская жизнь состоит из лихих набегов и увлекательных приключений. В действительности, кроме этого, бывало и многое другое: холод, голод, усталость, когда готова упасть лицом в болото и так заснуть. А все же никто из нас не ныл, не жаловался, не представлял себя какой-то жертвой. Мы были простыми, веселыми парнями и девушками – дружили, в подходящую минуту любили петь песни, плясать, случались у нас и партизанские свадьбы. А когда нужно – каждый готов был идти на смерть. Мы гордились тем, что сражаемся за Родину, и никто не променял бы свою сырую землянку или ночлег на снегу, под елью, на самые пышные хоромы, если бы для этого пришлось отступить перед натиском врага... Однако мы с вами заболтались, – прервала Стефа. – Пора домой. Скоро вернется Михаил, и я должна успеть разогреть ему обед.

Они взялись за руки и побежали вниз с крутого склона. Листва шуршала под ногами уже не с тихой печалью, а бодро, как шуршит о гальку морской прибой.

Стефа подобрала два кленовых листка, полыхающих всеми оттенками красного цвета – от розового до рубинового. Один лист она прикрепила себе к берету, второй – к пиджаку своего спутника. Необычные украшения очень понравились обоим. Ростислав и Стефа громко рассмеялись, сами не отдавая себе отчета в причине смеха.

Эта небольшая прогулка еще больше сблизила Стефу и Ростислава. Дружба их крепла.

Все свободные вечера они проводили вместе. У Дриги было теперь свое, «узаконенное», как сказал Михаил, место за столом – прямо напротив двери. По левую руку от него сидел Михаил, по правую – Стефа. Ростислав всей душой полюбил эти вечерние беседы. Ему, долгие годы лишенному семьи, своего угла, было особенно радостно в тихой, уютной комнате с людьми, к которым он успел привязаться всем сердцем.

Как-то заговорили о будущем.

– Кончу институт, – говорила Стефа, – обязательно поступлю врачом на пароход. Представляете, как интересно: повидать весь мир, попутешествовать!

– Да, это хорошо, – согласился Василь. – Даже позавидовать вам можно.

– К чему завидовать. В каждой специальности есть своя романтика. Вот вы, например, кто по профессии?

– Я? – Василь остановился, как бы обдумывая ответ. – До войны – слесарем был. Теперь демобилизован по ранению, еще не знаю, что с собой делать, куда поступить.

– Идите к нам в депо, – предложил Михаил. – Хоть путешествовать и не придется, а работа замечательная. Я, правда, на фронт просился, да не пустили. Говорят: кто паровозы

ремонттировать будет, если все на фронт уйдут? Оно, конечно, правильно... А работа мне нравится. Когда паровоз из ремонта выходит – чистенький, блестящий, смотришь на него и думаешь: «Тут тоже доля твоего труда». Даже сердце чаще биться начинает.

– Я подумаю, – уклончиво сказал Василь и перевел разговор на другую тему...

Дрига рассчитывал повидаться вечером со Всеволодовым. Общение со Стефой и ее братом вызвало в нем много вопросов, на которые он хотел получить ответы от полковника.

На первый стук в дверь кабинета полковника Дрига не получил ответа. Только когда он постучал вторично, раздалось: «Войдите».

Всеволодов сидел не за письменным столом, а в углу, в кресле. В опущенной руке полковник держал листок бумаги, исписанный неровным почерком.

Может, оттого, что Всеволодов расположился не на постоянном своем месте, или от взгляда, который полковник бросил на вошедшего офицера, – взгляда задумчивого и рассеянного, Дриге его начальник показался не таким, как всегда. Перед Ростиславом сидел не полковник разведки, а начинающий стареть мужчина, утомленный напряженной работой и множеством забот, ушедший в свои мысли. Но это продолжалось какую-то долю секунды, и Дрига даже не успел по-настоящему осознать свое впечатление.

Полковник встал, протягивая Ростиславу руку, пригласил его сесть. Теперь это был обычный Всеволодов – решительный, строгий, собранный как пружина, в любое мгновение готовая к действию. Глядя на него, Дрига понял, какой железной волей обладает этот человек – волей и верой в правоту, величие выполняемого им долга.

– Получил письмо, – сказал Всеволодов тоном, в мягкости которого сохранились отзвуки мыслей, только что занимавших полковника. – От дочки. В пятый класс перешла. Большая совсем, просится ко мне приехать.

– А что же вы ответите?

– Нынче нельзя – учиться ей надо. Летом, на каникулы, пусть является. Соскучился я, признаться, без семьи. Но сейчас – невозможно. Неделю-другую в школе пропустит, потом ой-ой как трудно нагонять будет. Я ведь сам педагогом был. Феликс Эдмундович направил меня однажды заведовать детской колонией...

– Значит, товарищ полковник, – сказал Дрига, – война кончится – в отставку, снова педагогом станете?

Всеволодов ответил не сразу.

– Нет, Ростислав Петрович, – заговорил он после некоторого молчания. – Чекисты никогда не бывают в резерве. Берлин возьмем, все по домам пойдут, а для нас война не кончится, и в отставку уходить нельзя. Всегда надо помнить о том, чему учит нас товарищ Сталин. Пока будет оставаться капиталистическое окружение, враги будут пытаться засылать к нам шпионов, диверсантов и прочую мразь. Из этого указания мы и должны исходить во всей своей деятельности... Ведь тот, за которым вы охотитесь, не гитлеровцами прислан, правда?

– Конечно, – согласился Дрига.

– Новая мировая война начала готовиться задолго до того, как стал виден конец этой. И надо быть очень бдительными, Ростислав Петрович, очень сильными, чтобы разрушить планы тех, кто снова пытается грозить нам. Один из залогов этого – успешные действия нас, солдат невидимого фронта.

Дрига наконец вспомнил о цели своего сегодняшнего прихода к Всеволодову:

– Я вот что хотел спросить, товарищ полковник. Как мне держать себя с... с штатскими людьми. Есть одна девушка...

– Девушка? – резко перебил полковник. – Фамилия? Она с вами познакомилась или вы с ней? Когда? Почему не доложили сразу?

Дрига не ожидал таких вопросов и смутился. Сбивчиво он начал говорить о Гнатышиных. Суровый взгляд Всеволодова потеплел. Он пригласил Дригу пересесть на стул возле себя.

– Рассказывайте...

– Я буду откровенен, товарищ полковник, – сказал Дрига. – Эта девушка – Стефа – она очень славная девушка, и она... она мне очень нравится.

– Ну так что же? Если вы уверены в том, что это действительно хорошая девушка, то кто вам мешает быть ее другом? Вы оба молоды, я вас понимаю. Нелюдимому, как говорят – «сухарю», трудно жить на свете. – Полковник немного помолчал. – Я имел счастье знать Феликса Эдмундовича Дзержинского. Это был прекрасный товарищ, человек исключительного обаяния и кристально чистой души. Председатель ЧК, от одного имени которого бледнели враги, находил время для того, чтобы заботиться о судьбе беспризорных детей. Не одна тысяча тех, кто из малолетних преступников стал врачом, инженером, агрономом, с глубокой благодарностью вспоминает о Феликсе Эдмундовиче. С него надо брать пример нам всем... Мой начальник, – в глазах у полковника запрыгали озорные огоньки, – был у меня посаженным отцом на свадьбе. Учтите это, капитан, – Всеволодов хлопнул Ростислава по колену.

– Что вы, товарищ полковник. Вы уже сразу и о свадьбе. Она меня и не замечает совсем.

– Ну, смотрите, смотрите. А не позовете на свадьбу – обижусь... Теперь перейдем к гораздо менее приятным делам. У меня разработан план, выполнение которого поручаю вам...

Глава шестая

Удар в темноте

Дасько тоже разрабатывал свои планы. Вызвав к себе в комнату Кундюка, шпион читал ему долгую и нудную нотацию.

– Вы исключительно бездарный человек. За всю жизнь я не имел худшего подчиненного, – говорил Дасько.

– Вы сами не знаете, чего хотите, – огрызнулся Кундюк. – Я же вам сказал, что найти сейчас единомышленников нам трудно, почти невозможно.

– «Единомышленников»! – сморщился Дасько. – Слово-то какое подобрали! На кой черт мне нужны ваши единомышленники. Мне нужны люди, которые согласны получать доллары. Вы понимаете – доллары. А за доллары можно сделать все, можно привлечь каждого.

– Вы не знаете здешних условий, – не соглашался Кундюк.

– Я знаю человеческую натуру, – ответил Дасько. – Она везде одинакова.

– Мне тоже кажется так, но иногда я начинаю думать, что мы с вами ошибаемся.

– Если кто и ошибается, то вы, а не я. Перестаньте рассуждать и слушайте. Вы должны искать. Искать людей с темным прошлым, недовольных советской властью, уголовных преступников. Будете говорить с ними сами и только после того, как убедитесь в их надежности, приведете ко мне. Не сюда, конечно, в другое, условленное место. Скажете им, что сейчас от них ничего не требуется, им придется ждать своего часа – начала новой войны. Плату обещайте щедрую. Поняли?

– Да, – кивнул головой Кундюк.

– Тогда приступайте к делу. А то вы все ноете и слоняетесь из угла в угол.

– Вы тоже как будто не особенно заняты, – не вытерпел Кундюк.

Дасько окинул его своим холодно-презрительным взглядом. Каждый раз этот взгляд пугал Кундюка. «Прикончит меня Дасько когда-нибудь, – думал Кундюк. – Заставит сделать все, что ему нужно, и прикончит».

– Занят я или нет – не ваше дело, – произнес тем временем Дасько. – Если хотите знать, то самые трудные участки работы я оставляю за собой.

Говоря так, Дасько врал. Он вовсе не собирался подвергать себя риску, а заниматься вербовкой среди незнакомых людей значило рисковать быть проваленным. Это он возлагал на Кундюка. Если Кундюка арестуют, Дасько успеет скрыться. Для чего же еще существуют такие, как Кундюк, если не для того, чтобы распоряжаться ими без всякой пощады и снисходительности?

Для себя Дасько оставлял другую роль. После того как Кундюк сумеет кого-нибудь завербовать, Дасько даст завербованному инструкции. Сам он будет обращаться только к надежным людям. Это гораздо безопаснее и проще. Для свиданий со своими будущими подчиненными Дасько облюбовал пивную Тыскива. Надо сходить туда еще раз, удостовериться, что этот прохвост не выкинул чего-нибудь.

Лишний раз показываться днем на улице Дасько не хотел во избежание какой-нибудь случайности. Только поздно вечером отправился он на площадь Рынок.

Кабатчик слегка вздрогнул и изменился в лице, когда закрипела дверь и на пороге появился Дасько. За эти несколько дней Тыскив уговорил себя, что, может, все обойдется благополучно, надо только содрать с этого субъекта побольше денег. В соответствии со столь несложным планом Тыскив и приготовился действовать.

Дасько подошел к стойке и попросил кружку пива. Тыскив чуть кивнул головой, сделав предостерегающий жест. В углу за столиком сидели два человека.

– Кто это? – шепотом спросил Дасько.

– Не знаю, – также шепотом ответил Тыскив. – Зашли недавно, сидеть, наверно, будут долго – заказали ужин.

– Хорошо. Я приду завтра.

Расплачиваясь за пиво, Дасько протянул Тыскиву тридцатирублевую бумажку. Кабатчик пробормотал что-то насчет отсутствия сдачи, но Дасько так злобно выругался, что Тыскив сразу спустил белую потную руку под стойку и вытащил оттуда необходимое число кредиток.

Дасько вышел.

Часы на Ратуше пробили три четверти двенадцатого. Улица была пустынна. На секунду Дасько показалось, что под колоннами Ратуши мелькнула темная фигура. Он присмотрелся лучше. Никого. Дасько подумал, что ошибся, но на всякий случай решил проверить – не следят ли за ним. Медленными шагами он пересек площадь и углубился в лабиринт узких, кривых улочек, окружающих район возле армянской церкви.

Эти улочки полны крутых поворотов, неожиданных тупиков, и Дриге, который крался вслед за шпионом, стоило большого труда не упустить его из вида в ночной темноте.

Они прошли несколько кварталов. Дасько поворачивал то в ту, то в другую сторону, переходил с одного тротуара на другой. Ростислав никак не мог определить, каково же истинное направление его пути.

Пристально вглядываясь в ночной мрак, Дрига видел приземистую длиннорукую фигуру впереди, тихую заснувшую улицу, яркие звезды над ней – звезды, тепло и дружески подмигивающие капитану. Дрига думал о том, что наступит время, когда будут уничтожены такие люди, как тот, за которым сейчас следил Ростислав, и капитан разведки сможет вернуться к мирной деятельности. Он вырастит яблоневый сад над Бугом, там, где был сожженный панский фольварк. Весной яблони покроются бело-розовыми нежными цветами.

Эти думы были в глубине сознания, главная мысль Дриги была о деле: не выпустить из поля зрения преследуемого. Дрига весь превратился в зрение и слух, шагал тихо и незаметно. Ненависть вела капитана, ненависть к тем, кто хотел, чтобы над родной землей Дриги вновь вспыхнуло зарево пожаров. Эта ненависть делала особенно зорким взгляд Дриги, твердой – руку, сжимавшую пистолет, осторожно-бесшумными – шаги. В этот тихий ночной час Дрига чувствовал себя бойцом передовой линии фронта, защитником тех, кто мирно отдыхал в нескольких шагах от Дриги – за стенами домов. А еще дальше – за Кленовом, далеко-далеко на восток, во всю ширь необъятной страны, миллионы людей, которые никогда не слышали и, может быть, никогда не услышат имени Ростислава Дриги, верили в него, желали ему успеха.

Капитан Дрига думал о любви и ненависти. Дасько – только о ненависти. Заметив, что за ним следят, Дасько лихорадочно изобретал способ избавиться от своего преследователя, подстроить ему коварную и жестокую ловушку. Как затравленный одинокий зверь, он находился в состоянии злобного бешенства. В припадке такого бешенства загнанная в угол крыса прыгает что есть силы, стараясь впиться своими кривыми острыми зубами в горло человека, который приближается к ней. Глаза крысы горят красным ядовитым огнем, зубы оскалены, она хрипит и мечется из стороны в сторону. Крыса бессильна против человека и все же может наделать бед.

Дасько не замечал ни мягкой тишины уснувшего города, ни веселых, точно умытых звезд. Он думал только об одном – как спасти свою жизнь, как уйти от преследования.

Они приблизились к самой армянской церкви. Неожиданно для Дриги Дасько нырнул в какой-то закоулок и исчез из вида. Капитан пошел быстрее, почти побежал. Он свернул в темный проходной двор, куда, как показалось Дриге, зашел Дасько.

И тут жестокий удар по голове заставил капитана потерять сознание.

Глава седьмая

Цена ошибки

Вор-взломщик, носивший среди своих коллег не совсем благозвучную кличку Шимек-язва, был задержан около шести часов утра.

Перед этим Шимек совершил ограбление магазина. Он подкрался сзади к старику-сторожу, сперва зажал ему рот рукой, а потом заткнул тряпкой и связал незадачливого охранника. Когда главное было сделано, Шимек-язва без особого труда сорвал маленьким ломиком висячий замок и проник в магазин, втащив за собой для безопасности сторожа.

В магазине Шимек быстро убедился, что все его хлопоты пропали зря: на полках ничего не было подходящего, кроме куска сукна. Ругая на чем свет стоит заведующего, не догадавшегося привезти в магазин побольше ценных товаров, Шимек-язва взял сукно под мышку, пнул ногой сторожа, посоветовав ему лежать смирно не менее часа, и удалился в неизвестном направлении.

Направление это не долго оставалось неизвестным. Сторож не внял совету Шимека, кое-как освободился от веревок, которыми его связал бандит, вынул изо рта тряпку и поднял крик.

На место происшествия привели милицейскую собаку. Она обнюхала платок, забытый Шимеком, и быстро взяла след. Через каких-нибудь тридцать минут сотрудники уголовного розыска были возле дома, где безмятежным сном труженика спал Шимек-язва.

При обыске у Шимека, кроме сукна, нашли ручные часы с выгравированной на крышке надписью «Младшему лейтенанту Р.П. Дриге за отличную боевую подготовку от командования училища».

То, как к нему попали эти часы, Шимек объяснял довольно неправдоподобно. Он говорил, что попросту нашел их. Они, дескать, лежали на мостовой. Возвращаясь с «дела» на рассвете, Шимек увидел часы и подобрал.

Следователь, допрашивавший Шимека, отнесся к рассказу с явным недоверием. Зная характер деятельности Шимека-язвы, следователь имел все основания предполагать, что часы достались Шимеку гораздо более сложным путем.

Вскоре Шимек-язва попал в кабинет полковника Всеволодова. Дрига находился уже там. На душе у капитана лежала гнетущая тяжесть. Он понимал, что совершил непростительную ошибку. К душевным страданиям капитана прибавлялись физические. Нестерпимо продолжала болеть рана на голове.

– Вы сами установите себе меру взыскания, – говорил Дриге полковник, – я не хочу этим заниматься. Как старший офицер могу сказать, что все произошло оттого, что вы еще недостаточно серьезны. Что это вам, забава? Это боевое задание, капитан. Вы чуть не погибли сами, дали шпиону знать, что за ним следят. Вот цена вашей ошибки. Советую вам подумать о своем поведении.

– Слушаюсь, – тихо ответил Дрига.

Всеволодов понял состояние Ростислава.

– Кто вас нашел?

– Рабочий с обувной фабрики, – угрюмо ответил Дрига. – Натолкнулся на меня в подъезде, внес в свою квартиру и вызвал врача.

– И в карманах у вас все цело?

– Все, кроме портмоне, что лежало в брюках. Там было рублей сорок. Да еще сняли с руки часы.

– Странно, очень странно...

Всеволодов снял телефонную трубку и приказал ввести Шимека.

– Ну, – сказал полковник, когда вошел Шимек, – как же все-таки попали к вам эти часы?

Маленький, юркий, с тонкими черными усиками на бледном испитом лице, Шимек-язва завертелся на стуле под пристальным, спокойным взглядом полковника.

– Да, пане полковник, разве ж я могу что-нибудь такое нехорошее сделать?! Пане полковник знает мою специальность. А чтобы людей грабить – никогда этого со мной не было. И отец мой порядочный человек был, может, слышали: Шимек-сатана? Магазин – да, мое дело. А человека я пальцем не трону.

– Как же часы к вам попали?

– Нашел, пане полковник. Клянусь памятью моего отца, сердцем Пресвятой Девы Марии – нашел.

По лицу Шимека-язвы текли крупные слезы. Вся его лисья, вытянутая физиономия выражала последнюю степень отчаяния. Чувствовалось, что Шимек не врет.

– Ладно, – сказал, наконец, полковник. – Успокойтесь и расскажите подробнее, где вы их нашли.

Прерывая речь всхлипываниями и клятвами в своей невинности, Шимек-язва рассказал, как он возвращался домой и на мостовой, возле люка подземной канализации, увидел что-то блестящее. Это были часы. Обрадованный находкой, которая хоть немного могла возместить усилия, затраченные впустую при ограблении магазина, он схватил часы и еще быстрее зашагал своим путем. На улице больше никого не было. Шимек был в этом уверен, так как хорошо огляделся вокруг, прежде чем поднять часы, боясь какого-нибудь подвоха.

Вот и все, что мог сообщить Шимек-язва в своих показаниях.

Шимека увели. Всеволодов зашагал по кабинету.

– Несомненно, это так, – говорил Всеволодов, скорее рассуждая сам с собой, чем обращаясь к Дриге. – Дасько хотел выдать себя за простого грабителя, чтобы направить нас по ложному пути. Правильно? – с живостью, несвойственной его летам и массивной фигуре, повернулся Всеволодов к Дриге.

– Да, скорее всего, так и есть, – согласился капитан.

– А потом часы выкинул, чтобы как-нибудь не попасться с ними. Хотел бросить в канализационный люк, да промахнулся, не удалось, помешал кто-нибудь – может, тот же Шимек.

– Что же делать? – спросил Дрига.

– Прежде всего вам надо отправиться домой, хорошенько отоспаться, а то как бы рана не разболелась сильнее.

– Ничего, не разболится.

– Идите, – приказывая, сказал Всеволодов. – Я к вам пришлю врача.

Понимая, что дальше возражать бесполезно, Дрига отправился к себе.

Всеволодов остался один и по своей привычке зашагал из угла в угол кабинета – это помогало размышлениям.

Он чувствовал тот прилив энергии, ту особенно четкую работу мысли, которые приходили всегда, когда, как выражался полковник, приходилось «браться за дело вплотную». Все, чем занимался до сих пор Дрига по указаниям своего начальника, было лишь подготовительным этапом. Ячейка за ячейкой плелась сеть – незаметная, но прочная. Врага окружало созданное Всеволодовым кольцо. Оно смыкалось плотнее и плотнее. Оно должно было сомкнуться так, чтобы шпион и все его сообщники нигде не могли найти лазейки. Подобно инженеру, проверяющему свой чертеж, Всеволодов еще и еще раз старался представить себе возможные действия преступника, намечал свои контрудары. И эти удары должны были быть безошибочными.

Сейчас полковник рассуждал так. Очевидно, сразу же после совершенного, как он думал, убийства шпион отправился на свою квартиру, уверенный, что больше за ним никто не следит. Вполне возможно, что он там и останется, но гораздо более вероятно другое: преступник попытается сразу же скрыться, замести следы.

Отдав приказания, нужные для того, чтобы была выполнена первая часть намеченного им плана, Всеволодов продолжал думать о том, как открыть новую неизвестную явку шпиона, на которую тот, несомненно, рассчитывал. И постепенно у полковника начала рождаться программа дальнейших действий...

Отмеривая шаги от угла к углу, Всеволодов взглянул на часы. Ого, добрые люди в это время уже готовятся к обеду, а он еще не завтракал! За думами полковник не заметил, как прошло время. Он почувствовал голод и решил отправиться в столовую, когда дежурный доложил, что начальника разведки спрашивает девушка, назвавшая себя Стефанией Гнатышиной.

Появление Стефы в кабинете Всеволодова также было следствием событий, разыгравшихся минувшей ночью.

Стефа не знала, что ее сосед не возвращался домой с вечера, и была очень удивлена, встретив его утром у входа в дом бледного, усталого, с повязкой на голове, сквозь которую просачивалось пятно крови.

– Василь! – воскликнула испуганная Стефа. – Что с вами?

– С трамвая упал, расшибся, – глухо ответил Дрига.

– Да разве можно таким неосторожным быть! На фронте жив остался, а тут мог ведь насмерть разбиться! Пойдемте домой скорее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.